

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
Кафедра гражданского права и процесса

Заведующий кафедрой
гражданского права и процесса,
кандидат юридических наук,
доцент
Т.В. Краснова

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
магистра

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА

направление подготовки 40.04.01 «Юриспруденция»
Магистерская программа «Гражданское и семейное право»

Выполнил работу
студент 3 курса
заочной
формы обучения

Хохлов Максим Александрович

Научный руководитель
канд. юрид. наук, доц.

Сливкин Игорь Викторович

Рецензент
Нотариус Исетского района

Сухорукова Татьяна Раисовна

Тюмень
2020 г

Хохлов Максим Александрович. Понятие и содержание корпоративного права: выпускная квалификационная работа магистра : 44.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Гражданское и семейное право» / И. В. Сливкин ; науч. рук. И. В. Сливкин ; рец. ; Тюменский государственный университет, Институт государства и права, Кафедра гражданского права и процесса. – Тюмень, 2020. – 83 с.: - Библиогр. список: с. 78-83 (58 назв.).

Ключевые слова: корпоративное право, корпорация, корпоративные правоотношения.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ.....	3
ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОГО КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА.....	8
1.1 АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА.....	8
1.2 МЕСТО КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА В СИСТЕМЕ ПРАВА.....	18
ГЛАВА 2. СПЕЦИФИКА ПРЕДМЕТА И МЕТОДА КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА	27
2.1 СУЩНОСТЬ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК ПРЕДМЕТА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ.....	27
2.2 СПЕЦИФИКА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЯХ	33
ГЛАВА 3. ПРЕДПОСЫЛКИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА В РОССИИ.....	51
3.1 ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА В РОССИИ	51
3.2 ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА	63
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	74
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ	78

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. В эпоху современности правоотношения продолжают появляться, активно развиваться и становиться более сложными, что отражается на их регламентации. Так, сравнительной новизной отличаются корпоративные правоотношения, что требует их более тщательного исследования с научно-правовой точки зрения.

Несмотря на существование некоторых исследований названных отношений, сделанных как отечественными, так и иностранными специалистами, они преимущественно проходили через призму гражданского, торгового (по большей части иностранного) права.

Сегодня продолжается исследования конкретных конструкций корпоративного права, которые, тем не менее, не определены с достаточной точностью, много внимания уделяется истории появления и развития корпоративных организаций, но и здесь не наблюдается единообразного подхода исследователей.

На страницах литературы можно встретить попытки полноценного исследования корпоративного права как отрасли, но они, как представляется, недостаточно основываются на доктрине, не имеют указания на предмет названного права, его методик, наконец, место во всей правовой системе, как предполагает общая теория.

Таким образом, сегодня не имеется полноценного анализа корпоративного права в качестве, прежде всего, социально-правовой системы и в качестве компонента правовой системы в целом, что обуславливает тематику данного диссертационного исследования, которое, как кажется, будет способствовать развитию отношений, урегулированных нормами корпоративного права.

Во многих государствах мира среди приоритетов их внутренней политики непременно называется улучшение корпоративного законодательства, что

обусловлено заметной противоречивостью корпоративных отношений даже на международном уровне, не говоря уже о национальном праве. Одновременно различная интерпретация норм отрицательно сказывается на правоприменительной практике. Поэтому очевидна большая необходимость в том, чтобы осмыслить в доктрине корпоративное право полностью, без выделения конкретных его институтов, указанное поспособствует ликвидации противоречивости, обобщению всей информации, разработке новых предложений в области корпоративного права.

Недостаточное исследование названного права в науке, в том числе с исторической позиции, отсутствие определения его места в правовой системе обусловили актуальность избранной темы.

Степень разработанности темы в правовой литературе. В целях анализа корпоративного права как элемента социально-правовой системы и как элемента системы права, создания базы для дальнейших отраслевых исследований в диссертации использованы общетеоретические работы следующих ученых: С.С. Алексеева, М.И. Байтина, Р. Давида, П.Б. Евграфова, О.С. Иоффе, В. Кнаппа, А.В. Малько, М.Н. Марченко, Н.И. Матузова, В.С. Нерсесянца, И.В. Руковишниковой, А.Х. Саидова, В.В. Субочева и др.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, регулируемые нормами корпоративного права.

Предметом диссертационного исследования выступает корпоративное право, рассматриваемое с двух позиций: как социально-правовая система и как элемент системы права (его генезис в российском и зарубежных правовых порядках, предмет, метод, субъекты и объекты корпоративного права, его базовые конструкции, позволяющие выявить суть такого элемента правовой системы, как корпоративное право), а также практика применения норм корпоративного права, теоретические работы (монографии, периодические статьи, использованные в процессе исследования).

Цель диссертационного исследования - установление комплексного представления о корпоративном праве с точки зрения теории и истории права как элемента правовой системы.

Диссертантом для достижения указанной цели поставлены следующие задачи исследования:

- 1) определить методологию исследования корпоративного права;
- 2) изучить предпосылки возникновения корпоративного права, а также этапы становления и развития корпоративного права в основных правопорядках;
- 3) осуществить анализ корпоративного права как элемента системы права и как элемента социально-правовой системы, для чего исследовать его объект и субъекты, предмет и метод;
- 4) выявить признаки базовых конструкций корпоративного права, разработать их стандартные толкования, опираясь на исследования в области теории и истории права, а также на отраслевые исследования.

Методологическую основу диссертационного исследования составляет синергетический подход, позволяющий проанализировать историю развития корпоративного права в качестве элемента правовой системы, рассмотреть предмет, метод корпоративного права как элемента системы права, изучить субъекты и объекты корпоративного права как элемента социально-правовой системы.

Теоретическую основу диссертационного исследования составляют труды отечественных и зарубежных ученых в области теории права и в области корпоративного права.

Эмпирическую основу исследования составляют нормативные акты, российское законодательство в различные исторические эпохи. В целях анализа признаков отдельных правовых конструкций в области корпоративного права, таких как «корпоративная норма», «корпоративный интерес», «корпоративный спор», «корпоративный конфликт», а также разработки стандартных толкований отдельных правовых конструкций изучен и обобщен фактический

материал в области теории и истории права, а также в области отраслевых исследований корпоративно-правовых актов, корпоративного права в целом.

Теоретическая и практическая значимость результатов исследования. Положения и выводы, сформулированные в диссертации, могут явиться методологической и теоретической основой для развития науки корпоративного права, в том числе для углубления доктрины в области истории корпоративного права.

Анализ современного состояния корпоративного права позволяет сделать ряд выводов, предложений, способствующих разрешению коллизий в исследуемой области.

Структура диссертационной работы. Цель исследования и поставленные задачи определили структуру диссертации, которая состоит из введения, трех глав, разделенных на шесть параграфов, заключения и библиографического списка.

ГЛАВА 1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОГО КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА

1.1 АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА

Понятие корпоративных отношений с 2012 г. закреплено в Гражданском кодексе РФ. Тогда же был принят Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (в ред. от 4 марта 2013 г.), которым ст. 2 ГК РФ была дополнена формулировкой «отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (корпоративные отношения)» (ст. 1 указанного Федерального закона).

Любопытно, что в рамках определения названных отношений в законодательстве употреблен союз «или». Представляется, что вышеприведенная фраза недостаточно точна именно из-за употребления этого союза. Будучи разделительным, он, собственно, разделяет, исключает одну из двух частей как не отвечающую неким требованиям. Поэтому, если обратиться непосредственно к грамматике, выходит, что лица, участвующие в корпоративных правоотношениях, способны или участвовать в корпоративных компаниях, или осуществлять в них управление, что, разумеется, неверно. Невозможно не признать то, что участники, в частности, общества с ограниченной ответственностью обладают возможностью не просто участвовать в нем (внесение долей, получение дивидендов), но и осуществлять управление (избрание ключевых направлений работы ООО, его управленческих органов, принятие других различных решений относительно судьбы ООО).

Одновременно некоторые участники рассматриваемых здесь правоотношений способны делать что-то одно: лишь участвовать в корпорации или лишь осуществлять управление.

Исключительно участие, как кажется, способно выражаться в наличии привилегированных акций, которые, как известно, не позволяют голосовать на общих собраниях корпорации, кроме ситуаций, описанных законодательно. Соответственно, их держатели в действительности не занимаются управлением компанией, а просто получают некую часть прибыли. В качестве примера стоит рассматривать вкладчиков командитного товарищества, которыми (их еще называют командитистами) на основании ст. 82 ГК РФ считаются лица, не обладающие возможностью управлять таким товариществом, но рискуют в связи с деятельностью последнего в границах стоимости их вкладов.

Что касается исключительно управления, то его иллюстрируют управляющие органы компании, действующие каждый в границах переданных им полномочий. Для исполнительного органа таким полномочием становится руководство работой компании, реализация решений общего собрания. Среди тех из них, что переданы, в частности общему собранию, можно назвать предусмотренное п. 2 ст. 65.3 ГК избрание ключевых направлений работы компании, порядок образования ее имущества и распоряжения им и т.п. Если предусмотрено создание и работа наблюдательного совета, он может вести контроль над работой исполнительных органов. В п. 2.1 ст. 32 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (в ред. от 29 июля 2017 г.) (далее - ФЗ об ООО) указано, что данный совет может заниматься организацией и проведением заседания общего собрания членов компании.

Определение самих корпоративных правоотношений и его места в отечественной правовой системе всегда вызывает много споров среди исследователей. Самостоятельный характер названных правоотношений, разделение их от прочих правоотношений, в частности, вещных и обязательственных, впервые признал Д.В. Ломакин. В его определении рассматриваемых отношений особо выделяется их исключительная способность выступать итогом регламентации общественных связей,

появляющихся в пределах корпорации, то есть, компании, построенной на принципе членства (участия) [Ломакин, с. 88].

Поскольку корпоративные правоотношения обособлены в Гражданском кодексе в самостоятельную категорию, подобные отношения компании с ее участниками признаются обязательственным в иных нормативно-правовых актах. Например, ст. 2 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (в ред. от 29 июля 2017 г.) (далее - ФЗ об АО) установлено, что «акционерным обществом признается коммерческая организация, уставный капитал которой разделен на определенное число акций, удостоверяющих обязательственные права участников общества (акционеров) по отношению к обществу». При этом согласно ст. 2 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (в ред. от 18 июля 2017 г.) (далее - ФЗ о рынке ценных бумаг) под акцией принято понимать «эмиссионную ценную бумагу, которая закрепляет права ее владельца (акционера) на получение части прибыли акционерного общества в виде дивидендов, на участие в управлении акционерным обществом и на часть имущества, остающегося после его ликвидации».

Перечисленные положения позволяют констатировать, что между корпоративной компанией и ее участником, когда речь идет, в частности, об акционерном обществе, будут существовать обязательственные и одновременно корпоративные отношения, урегулированные соответствующими законами. Названный факт провоцирует беспорядок и вынуждает ученых спорить о природе корпоративных правоотношений. Как представляется, наиболее правильным будет выделение корпоративных правоотношений в отдельную категорию в законодательстве.

Специалисты говорят о 2-х наиболее значимых моментах в корпоративных правоотношениях, которые, который, как предполагает первый из них, представляют собой регламентированные правовыми нормами отношения, складывающиеся внутри корпоративной компании. Вторым моментом

предполагает, что не любые отношения внутри такой компании могут признаваться корпоративными [Корпоративное право, 2014, с. 53].

В процессе функционирования корпорация участвует в разнообразных отношениях, в том числе не корпоративных, например, если второй их стороной выступает государство; одновременно даже в такой ситуации возможно опосредованное появление корпоративных правоотношений. В частности, когда ООО не выплатило налоги, которые были взысканы в суде либо в административном порядке, имеют место налоговые правоотношения, регламентированные соответственным налоговым законодательством. Если же существуют доказательства того, что налоги не выплачивались из-за умышленных действий генерального директора, компания и ее участники получают возможность потребовать, чтобы им было возмещены нанесенный ущерб, как указывает ст. 44 ФЗ об ООО, и тогда будут иметь место как раз корпоративные правоотношения, то есть внутренние для данной компании.

Одновременно, напомним, корпоративными признаются не любые отношения в самой компании. Например, если общее собрание ООО избирает гражданина в качестве генерального директора, который получает соответственную компетенцию, говорить о корпоративных отношениях можно. Однако, в момент, когда между ООО и его новым избранным директором составляется трудовой контракт, очевидно, что имеют место трудовые правоотношения, которые урегулированы трудовым законодательством, а именно нормами гл. 43 ТК РФ. Такие правоотношения тоже складываются внутри корпорации, но их при этом нельзя признать корпоративными.

Как полагает М.К. Сулейменов, корпоративные правоотношения имеют место внутри компании. Их автор определяет в качестве обладающих связью с участием либо с управлением соответственными компаниями [Сулейменов, с. 291]. Об этом же говорит и И.С. Шиткина, указывающая на регламентацию таких правоотношений правовыми нормами и их осуществление в пределах самих корпоративных компаний.

Отличается точка зрения В.С. Белых, допускающего возможность условного разделения корпоративных правоотношений на категории: внешние и внутренние [Белых, с. 58]. На самом деле, по мнению автора, предмет корпоративных правоотношений отличается большей широтой, если сравнивать с отношениями внутри самой компании. Ф.С. Карагусов, говоря о корпоративных правоотношениях, утверждает, что они предполагают не просто внутренние отношения, но и внешние. В частности, среди их субъектов названный ученый указывает не просто общества (в лице их органов, управленцев), но и, прежде всего, органы государства, занимающиеся регистрацией таких компаний, регулирующие выпуск и иные действия с ценными бумагами и пр.; кроме этого, возможных инвесторов, иные организации, принимающие участие в реорганизации корпоративных компаний; профессионалов на рынке ценных бумаг [Карагусов, с. 68]. П.С. Настин выражает позицию в возможности внешнего характера названных правоотношений (в частности, при привлечении инвестиций) [Настин, с. 176].

Перечисленные точки зрения правильными не кажутся. Не может быть допустимым причисление органов государства к субъектам рассматриваемых правоотношений и указание наличия последних вне корпорации. Подобный подход, как предполагают иные авторы, позволил бы считать органы регистрации субъектом, в частности, отношений в связи с переходом недвижимого жилья от одного лица ко второму, ибо в их отсутствие соответственная сделка неосуществима. То же самое можно сказать при признании субъектами корпоративных правоотношений инвесторов, иных организаций, работающих при реорганизации, и т.д. Невозможно вообразить, чтобы перечисленные лица были способны принимать участие в корпоративной компании и (либо) осуществлять руководство ею.

Здесь стоит обратиться к тексту п. 9 ст. 67.2 ГК, где сказано, что кредиторы компании и другие лица способны составлять соглашения с участниками такой компании, чтобы те, дабы обеспечить интерес данных лиц, приняли на себя обязательства по реализации имеющихся корпоративных прав

конкретным путем либо по отказу (воздержанию) от их реализации. Это может быть обязательство исполнения требуемых действий в рамках управления компанией, голосования за или против оговоренной вещи на общем собрании, покупки либо продаже долей в уставном капитале по конкретной стоимости либо в том случае, если произойдут конкретные обстоятельства или отказа от продажи долей до тех пор, пока такие обстоятельства не произойдут.

Приведенные выше факты позволяют сделать предположение о возможном выступлении кредиторов в качестве субъектов корпоративных правоотношений. Об этом говорит, в частности П.С. Настин, утверждающий, что кредиторы способны не просто участвовать в корпоративной компании, но и в какой-то мере осуществлять управление. Однако, на самом деле это предположение неправильное. Как представляется, в связи с составлением описанного соглашения участники компании и ее кредиторы вступают не в корпоративные правоотношения, а в договорные. Соответственно, корпоративные правоотношения не предполагают участия в них кредиторов. Последние просто вправе потребовать от участников компании, имеющих соглашение с ними, чтобы они выполнили его, иными словами, реализовали корпоративные права соответственным образом. Прямое влияние кредиторов на компанию невозможно. Иначе подобный подход позволил бы признать субъектом отношений в связи с договором, чья стоимость обусловлена наличием тарифа, государство, которое занимается их определением.

В пользу названной точки зрения выступает довод о том, что когда перестают существовать корпоративные права у лиц, составивших соглашение с кредитором (когда они продали доли, перестали участвовать в компании, погибли и др.), он, к его сожалению, теряет рычаги влияния на управление компанией, чего не происходит у реальных субъектов корпоративных правоотношений (если только они не будут исключены из компании).

Конечно, точка зрения названного автора отличается новизной, ее следует обсуждать и далее, однако сейчас нет ее подтверждения на практике. Нет и закрепления ответственности участников такого соглашения. Непонятны

последствия того, что один из них откажется голосовать по договоренности на общем собрании (в частности, за обозначенного кредитором конкретного человека, претендующего на место директора). При признании в будущем в законах либо в практической деятельности судов право кредиторов подавать в арбитражные суды иски о признании недействительными договоров, заключенных с тем, чтобы принудить к исполнению в натуре данных обязательств (в частности, избрание конкретного человека на конкретную должность в компании), потребуется возвращение к поставленному вопросу.

Кажется нелогичным тот факт, что среди лиц, способных заниматься управлением корпоративной компании, названы «иные лица», что указано в ст. 2 Федерального закона от 3 декабря 2011 г. № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах» (в ред. от 23 июля 2013 г.) (далее - ФЗ о хозяйственных партнерствах). Названная норма предполагает признание таким партнерством коммерческой компании образованной, как минимум, 2-мя лицами, управляемой на основании предписаний вышеуказанного ФЗ участниками этого партнерства, кроме того другими лицами в границах и в размерах, определенных договором об управлении таким партнерством. Иными словами, этот договор способен устанавливать возможность устранения некоторых участников от управления, которое, в свою очередь, может быть реализовано другими лицами, в частности, инвесторами.

Нужно вспомнить, что считается корпорацией согласно ст. 65.1 ГК. Это организация, участники и/или учредители которой способны в ней участвовать (быть ее членом) и создавать ее высший орган, которым, как гласит п. 1 ст. 65.3 того же Кодекса признано общее собрание участников. Особо нужно выделить, что о других лицах речи не идет, только об участниках. Непосредственно общее собрание управляет корпоративной компанией, является ключевым «субъектом», избирающим направление ее функционирования. Говоря о существовании у «иных лиц» возможности управлять такой компанией не соответствует природе корпоративных отношений.

Однако они не смогут существовать вовне, если даже в управлении партнерством будут присутствовать такие другие лица. Отношения последних с участниками рассматриваемого партнерства урегулированы договором об управлении им, применительно к которому в ст. 6 Закона о хозяйственных партнерствах указано, что составить его можно в момент, когда создается партнерство и что его непременно нужно заверить у нотариуса. То есть, договор об управлении представляет собой своего рода локальный корпоративный акт, регламентирующий отношения субъектов по поводу управления ею.

Здесь не стоит заострять большое внимание на структуре управления вышеназванного партнерства и отношений, появляющихся в нем в ходе процесса управления. Стоит просто оговорить, что нужно признать правильной точку зрения ученых, говорящих о невозможности признания хозяйственного партнерства организации. Проблема исключения из Гражданского Кодекса названной организационно-правовой формы, должна решаться в рамках иного исследования.

Рассматривая корпоративные правоотношения и обращаясь к соответствующему законодательству, можно заметить, что таковыми признаны те, что имеют связь с участием в корпорациях (в частности, в их общих собраниях и иных делах компании) либо с осуществлением управления (когда, в частности, выбирается ключевой вектор развития компании). Иными словами, в законодательстве безосновательно, как кажется, убраны из числа компонентов корпоративных правоотношений отношения по поводу образования корпорации и завершения ее работы. В частности, отношения будущих участников, образующих, скажем, ОАО, несомненно, будут корпоративными. Здесь происходит определение долей будущих участников, другие связанные с этим аспекты. В ходе образования корпорации избирается конкретная организационно-правовая форма, направление ее работы, состав и полномочия управляющих органов, решаются прочие вопросы будущего функционирования образуемой компании. По-другому говоря, в процессе

образования такой компании происходит выстраивание структуры будущих корпоративных правоотношений.

Говоря о последних, Т.В. Андрейчук и Д.А. Пяткин правильно утверждают, что таковыми необходимо признавать отношения, появляющиеся между участниками, которые складываются до того, как появится образуемая ими организация, которая будет самостоятельной, правосубъектной, имеющей свое собственное имущество. В обоснование этого авторы называют осуществление в рамках таких отношений гражданской правоспособности и предусмотренного Конституцией права лиц объединяться [Пяткин, Андрейчук, с. 134]. Но среди исследователей есть еще одна позиция. М.А. Рожкова, в частности, уверена, что пока корпорация не существует, невозможны никакие корпоративные правоотношения [Рожкова, с. 139].

Представляется, что корпоративными до образования самой корпорации можно, тем не менее, признать отношения участников создаваемой компании, но только между собой. Их отношения с другими субъектами, в частности, с органами государства, таковыми уже не будут, поскольку по сути они будут публичными.

По тем же причинам корпоративными признаются правоотношения в рамках прекращения работы корпоративной компании, если она, в частности, ликвидируется, будет реорганизована. Здесь происходит решение вопросов, имеющих связь с прекращением названных правоотношений и, если есть необходимость, с появлением новых. В подобной ситуации отношения участников компании друг с другом (в частности, когда утверждаются необходимые документы) и с органами компании (в частности, когда некоторые из участников не согласны с соответствующими решениями органа, обладающего согласно уставу полномочием их принимать) должны считаться корпоративными. Отношения, появляющиеся, когда функционирование компании прекращается (она ликвидируется, будет реорганизована) с иными лицами (в частности, кредиторами, ожидающими погашения долгов этой компании), таковыми, соответственно, не должны признаваться. Аналогичны

рассуждения для правоотношений участников компании с компетентным органом государства, добивающимся ее ликвидации в судебном порядке, как это предусматривается п. 3 ст. 61 ГК РФ.

Точка зрения о правильности и нужности признания корпоративными отношений, появляющихся при образовании корпоративных компаний и их прекращения, нашла отзыв специалистов. В частности, при определении О корпоративных правоотношений В. Гутников указывает на законодательную регламентацию данных отношений, которые должны иметь связь с управлением организациями и происходить при образовании последних, в рамках их функционирования, в случае реорганизации и ликвидации [26, с. 30].

После анализа законов напрашивается вывод, согласно которому в них отношения, появляющиеся при образовании корпорации и прекращении ее функционирования, считаются корпоративными, пусть и не прямо. В частности, ст. 225.1 АПК РФ в качестве корпоративных конфликтов называет те, что имеют связь с образованием организации, участием, ибо управлением ею, сюда же причисляются конфликты, обладающие связью с образованием организации, прекращением ее функционирования. Другое понятие таких конфликтов основано на их связи с образованием организации в России, участием либо управлением ею, а их субъектами названы учредители, участники, кроме того непосредственно организация. Сюда, в частности, отнесены конфликты по исковым требованиям участников компании вследствие наличия правовых отношений организации с третьим лицом, когда эти участники обладают правом заявлять соответственные требования согласно федеральному законодательству, кроме конфликтов, указанных в п. 2 и п. 6 ч. 1 ст. 225.1 АПК. Данное, довольно пространное определение рассматриваемых нами отношений, можно найти в ч. 11 ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации».

Таким образом, принимая во внимание положения науки, правовые нормы и практику правоприменения, можно, наконец, определить

корпоративные отношения. Это отношения, имеющие характер внутренних и появляющиеся в ходе образования корпорации, ее функционирования, прекращения, имеющие связь с управлением и (либо) участием в ней.

Как представляется, в ГК нужно установить, кто может участвовать в корпоративных правоотношениях, чтобы не допускать разночтений в рамках признания корпоративными конкретными правоотношений. Участниками названных правоотношений стоит признать непосредственно компанию, созданные в ней органы и ее участников. Поэтому при появлении правоотношений названных лиц в момент, когда компания образуется, функционирует и прекращается, при наличии связи с управлением и (или) участием ею, указанные правоотношения нужно считать корпоративными. Когда появление правоотношений происходит в момент образования и есть связь с участием в ней, о чем шла речь чуть выше, но в них, помимо участников, участвуют, в частности, третьи лица, подобные правоотношения не могут причисляться к корпоративным.

В данном отношении все тот же О.В. Гутников указывал на дополнительное значение норм, которыми урегулирован, в частности, порядок регистрации организаций, их нельзя считать корпоративно-правовыми. [Гутников, 2019, с. 123] Это подводит нас к закономерному выводу о том, что корпоративными правоотношениями невозможно произвольно признавать всяческие правоотношения, происходящие в момент, когда образуется, функционирует и прекращается корпорация. В данном аспекте нужно проявлять внимание к субъектам названных правоотношений, которых, повторимся, следует четко говорить в законодательстве.

1.2 МЕСТО КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА В СИСТЕМЕ ПРАВА

Сейчас можно отметить остроту вопроса, связанного с противоречивостью определений корпоративных права и отношений. Будучи

взаимосвязанными, указанные категории не обладают необходимой концепцией не просто определения, но и развития, что заставляет заявить о дискуссионном характере, во-первых определения названного права, во-вторых, его предмета.

Особое значение имеет то, что это корпоративное право непосредственно взаимосвязано с гражданским. Одновременно специфика регламентируемых отношений, методики, функции и другие аспекты дают некоторым исследователям возможность утверждать, что данная отрасль должна быть непременно обособлена.

Корпоративное право должно относиться только к хозяйственным обществам и товариществам. Оно представляется в виде системы предписаний, созданных в компании, построенной на соединении капиталов и участников, воля которых в ней выражается, посредством них регламентированы разнообразные аспекты функционирования такой компании. В отличие от предыдущего указанное определение размыто, оно не конкретизирует компоненты предмета регламентации данного права, назван лишь показатель, касающийся субъекта хозяйствования. Одновременно, такой подход не учитывает компании не являющиеся коммерческими, среди них, как предусматривают законодательные нормы, есть и корпоративные.

О наборе норм, которые регламентируют отношения, имеющие связь с формированием, функционированием и прекращением корпораций говорит И.С. Шиткина [Шиткина, с. 58]. Данное понимание корпоративного права кажется верным, но его стоит конкретизировать с позиции указания на то, что собой представляет корпорация, на конкретные отношения, появляющиеся при ее функционировании, иными словами, предмета.

Корпоративное право, как утверждает В.А. Белов, представляет собой набор норм права, которыми урегулированы отношения, нацеленные на образование и функционирование компании в рамках достижения одних и тех же целей [Белов, с. 28]. Ученый заостряет внимание на такой цели

самостоятельных лиц, участвующих в корпорации, считая именно ее базой их объединения ради общей работы.

Существование разнообразных концепций в науке и мнений по данному поводу подтверждает, что законодательно закрепленное определение рассматриваемых отношений в качестве обладающих связью с участием и управлением корпорацией не дает возможности прийти к полноценному пониманию не просто самого корпоративного права, но и его предмета, образуемого набором конкретных отношений. Это провоцирует не просто вопросы в науке, и реальные проблемы в практической деятельности, например, когда суд выясняет, является ли отношение, по которому ведется спор, корпоративным. Потребность в как можно более полном и понятном определении корпоративного права обуславливается тем, что нужно строго разделить регламентируемые им отношения от прочих, смежных, но, тем не менее, других.

Считая корпоративное право отдельным компонентом гражданско-правовой системы, нужно выяснить его специфику, обуславливающую его такую самостоятельность. Особой целью названного права можно считать регламентацию непосредственно таких отношений, что появляются в области функционирования корпораций и дают возможность признания их корпоративными.

Определяя корпоративное право, нужно отталкиваться от подхода к набору отношений, затрагиваемых его регулированием. Им свойственна непростая структура, куда входит множество субъектов и объектов, имеющих один и тот же признак – вхождение в область внутренней деятельности корпорации. Специфика компонентов корпоративного правоотношения обуславливается его появлением, как правило, не в отношении извлечения прибыли либо аналогичного материального результата, а в отношении образования конкретных отношений по организации, за счет которых искомый итог окажется возможен в наибольшей степени. Направление на организацию этого дает возможность различать корпоративные отношения и все остальные.

Соответственно, можно рассматривать корпоративное право в качестве подотрасли гражданского права, куда входит совокупность предписаний, а ее цель состоит в регламентации отношений, появляющихся в компаниях, построенных на принципах участия и общей работы. Названный институт права обладает комплексным характером, иными словами, в него входит набор частноправовых и публично-правовых норм, которыми урегулированы особенные отношения, отличающиеся спецификой, что дает возможность их обособления в самостоятельную категорию под названием «корпоративные». Важнейший признак таких отношений в качестве системы – это их специфика, они имеют цель, состоящую в том, чтобы организовывать взаимосвязи в корпорации, кроме того свой собственный состав субъектов, принимающих в них участие.

Сейчас в нашей стране широко развиваются корпоративные формы занятия предпринимательство. Наличие общих интересов лиц, принимающих участие в корпорации, и в отношениях внутри нее и за ее пределами, представляет собой обязательное условие, без которого невозможно разработать действенную модель управления в компании, работающей на основании одного из ключевых гражданско-правовых принципов соразмерности, свидетельствующих в том числе о справедливости в соответственных отношениях.

Будут ли соблюдаться права каждого участника корпоративных отношений, и будут ли обеспечиваться цели образования корпоративной компании, зависит от степени автоматизма работы добросовестных взаимных отношений в ней. Недобросовестность при реализации прав в названной сфере приводит к большому вреду для защиты и стабильности корпоративных правоотношений.

Субъективный характер, безусловно, присутствует в корпоративном праве и появляется при вступлении лица в корпоративную компанию. В доктрине данного права не имеется конкретного определения его как субъективного. Во всякой ситуации реализация гражданских обязанностей и

прав в пределах рассматриваемых здесь правоотношений основывается на законодательно предусмотренных предписаниях, соблюдать их обязаны все, кто принимает участие в гражданско-правовых отношениях, причем с определенной спецификой.

Корпоративные отношения будут получать развитие, если в их пределах будут учитываться принципы гарантии реализации корпоративных прав и выполнения соответствующих обязанностей, запрета злоупотреблять своими правами и всеобщего равенства тех, кто участвует в указанных отношениях.

Принципы корпоративного права, получая выражение в установленных правилах, служат отражением некоторых закономерностей реализации соответственных прав. Принципы, будучи в некоторой мере осуществлены в правовых нормах и присутствуя без кодификации, устанавливают порядок осуществления действий участников по законодательству, наилучшее избрание путей осуществления прав и выполнения соответственных обязанностей [Вавилин, с. 201].

Корпоративные отношения, как полагает Л.Ф. Гатаулина, находятся в подчинении регламентации не просто общими правовыми принципами, но и особыми, характерными для отрасли. В числе последних автор указывает общую цель, целесообразное и добросовестное осуществление деятельности, добровольное участие, защиту прав и интересов тех, кто участвует в отношениях, их равенство, предполагающее справедливое разделение прибыли, и др. [Гатаулина, с. 40].

В п. 1 ст. 2 ГК отмечено, что корпоративные правоотношения регламентируются гражданским законом, соответственно, на них распространяется закрепленная п. 3 ст. 1 того же Кодекса презумпция о добросовестном действии лиц, которые в них участвуют. Поэтому среди особых принципов, существующих лишь в корпоративном праве, не может находиться добросовестность, которая носит обычный, общий характер и здесь в том числе [Корпоративное право, 2014, с. 22].

Правильным представляется указание на принцип обеспечения баланса индивидуальных и общественных интересов как на один из ключевых принципов названного права [Вавилин, с. 35]. Общественными здесь должны быть признаны интересы иных участников корпоративной компании, без их учета в ходе реализации корпоративных прав происходит ситуация, в которой лицо злоупотребляет правами, чтобы обеспечить лишь собственные индивидуальные интересы.

Похожий характер условий, в частности, работы одних лиц приводит к появлению у них аналогичных интересов. Чтобы обеспечить его совместными усилиями, участники компании в ходе ее работы и реализации соответственных функций порой получают отличающиеся интересы.

В ходе работы корпоративной компании, если имеется совместная цель, способны происходить перемены в направлении интересов субъектов, обладающих компетенцией на руководство компанией, на осуществление деятельности от ее имени.

Обладая конкретной компетенцией управления компанией, субъекты приобретают потенциал злоупотребления правом для обеспечения нового интереса, это обязательно приводит к тому, что появляются споры внутри компании относительно управления ею, нарушаются права иных участвующих лиц.

Корпоративные правоотношения, субъекты которых объединились, чтобы обеспечивать совместный интерес, нуждаются не просто в регламентации законами, но и в моральной корпоративной этике, правилах поведения во взаимодействии корпорации с прочими субъектами и в отношениях внутри нее самой. Это правила приоритета совместных интересов, целесообразного, добросовестного поведения членов корпорации, обеспечение справедливости.

Следование таким правилам в корпоративных правоотношениях означает следование принципу добросовестности, о чем говорилось суть ранее. В корпорации добросовестные действия управленцев означают, что они

учитывают интересы прочих лиц, что им можно доверять, что они будут действовать в соответствии с моральным кодексом общей деятельности. В названных правоотношениях фигурирует и принцип экономичности выполнения обязанностей [Вавилин, с. 56], предусмотренный п. 4 ст. 65.2 ГК, устанавливающий, что член компании обязуется воздерживаться от поведения, заведомо призванные нанести ущерб компании и прочим ее членам. В указанной ситуации осуществление обозначенного принципа происходит при осуществлении, соответственно, прав членов компании и ее органов в границах имеющихся у них прав, определенным образом, предполагающим взаимовыгодное осуществление сторонами собственных обязанностей и прав, призванное обеспечить желаемый итог, как предполагает вышеуказанный с принцип экономичности выполнения обязанностей. Мнение А.А. Волоса о последнем таково, что он отражает иные принципы, а именно, добросовестного и результативного поведения [Волос, с. 136]. Это поможет достичь с предельной эффективностью цели работы такой компании.

В гражданском законодательстве с установлением для членов компаний право участвовать в управлении ею (п. 1 ст. 65.2), входить в состав исполнительных органов, одновременно закрепляется запрет для названных лиц на осуществление действий, призванных нанести ущерб компании, действий, усложняющих, ибо исключаяющих возможность достичь цели работы компании (ст. 65.2). Соответственно рассматриваемые отношения строятся в том числе на содействии участников друг другу в ходе выполнения обязанностей.

Принцип сотрудничества, по мнению З.И. Цыбуленко, является нормативным руководящим аспектом, предусматривающим, что все участники, реализуя собственные обязанности и права, обязаны помогать друг другу всяческим образом, вне зависимости от присутствия либо отсутствия такого условия в законодательстве либо соглашении. Одновременно, как указывает А.А. Волос, обязательство сотрудничества, представления помощи, стоит

закрепить общей правовой нормой. В качестве таковой сейчас нужно признать принцип добросовестности. [Волос, с. 132]

Он предполагает, что любой член компании обязан предоставлять помощь в выполнении собственных обязанностей прочим членам и управляющим органам компании. Помощь в указанной ситуации требуется прочим членам ввиду не просто неимения вреда для себя, но и конкретной выгоды помогающего, существования единого интереса компании в цели функционирования. Непосредственно объединенная волевая деятельность членов компании помогает создавать отношения внутри компании и устанавливать внешние цели ее работы в качестве полноценного субъекта гражданско-правовых отношений, реализующего собственные корпоративные права.

Постоянные и постоянно защищаемые корпоративные правоотношения, свободная реализация прав членов компании и иных лиц находятся в преимущественной зависимости от добросовестности при реализации соответственных обязанностей и прав членами компании, это позволяет упорядочить отношения внутри последней. Тогда можно добиться плодотворной внешней деятельности, и, соответственно, достичь цели ее функционирования и соблюдения общественных интересов.

Принцип баланса индивидуальных и публичных интересов обуславливает всеобщую цель членов компании, существующую, когда они отказываются от индивидуального интереса.

Принцип помощи сторон в корпоративных правоотношениях следует из того, что члены корпорации не могут собственными действиями наносить ущерб прочим членам и компании, поэтому нужно помогать членам, имеющим аналогичные интересы, соответственный набор прав и обязанностей. Указанный принцип здесь представляется компонентом другого принципа названных правоотношений - добросовестности.

В корпоративных правоотношениях присутствует также принцип экономичности, означающий набор имеющихся средств, в границах

переданных членам корпоративных прав, самых оптимальных для всех заинтересованных лиц, что обеспечивает максимально результативное достижение цели функционирования компании.

Соблюдению перечисленных принципов помогает закрепленная в ст. 53.1 ГК ответственность тех, кто обладает правомочием на действие от имени компании и осуществлять целесообразные и добросовестные действия, с соблюдением ее интересов.

Соответственно, равенство лиц, участвующих в корпоративных правоотношениях, учет интересов каждого из них, достигается за счет осуществления принципов, которые были описаны здесь чуть выше.

Все они помогают осуществлению в названных правоотношениях еще одного принципа – эффективности – в нем сочетаются доступные средства выполнения обязанностей и реализации прав, чтобы достигнуть цели с наименьшими издержками и наибольшей результативностью. Таким образом, соблюдается приоритетный характер добросовестности реализации прав непосредственно компании перед индивидуальными интересами ее членов, способными оказаться нарушенными при ведении ее деятельности вовне.

Соответственно, принципы таких правоотношений, несмотря на отсутствие непосредственного установления в отечественных законах, осуществляются в рамках интерпретации конкретных правовых норм и в практической деятельности.

ГЛАВА 2. СПЕЦИФИКА ПРЕДМЕТА И МЕТОДА КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА

2.1 СУЩНОСТЬ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК ПРЕДМЕТА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Проведенная в последние годы модернизация гражданского законодательства в определенной степени изменила систему и структуру Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ).

Признаем вместе с В.К. Андреевым, что объявление корпоративного элемента в качестве составляющей гражданско-правового регулирования, особое позиционирование способности соучастников принимать решения, имеющие правовое значение для организации, констатация возможности реализации взаимодействия должник - кредитор дают основания полагать, что юридическая сущность корпоративных отношений основана на праве, а не на спекулятивных мнениях или иностранном законодательстве, а ГК РФ регулирует некоторые отношения и в сфере управления [Андреев, Лаптев, с. 83].

Закрепление в нормативных актах специфических возможностей соучастия и управления корпорацией, помимо юридического статуса субъектов и новых видов отношений, повлекло гражданско-правовое определение таких категорий, как «корпоративный договор», «решение собрания», «корпоративные права», «корпоративные обязанности» и «корпоративная ответственность».

Создается некоторое впечатление, что названный институт, его элементы разрабатывались учеными и принимались законодателем, опираясь на уже имеющийся опыт правового регулирования этой сферы. В этой связи имеет место опасение: не компиляция ли нами всего этого из нормативных актов и прецедентов континентальной или англосаксонской правовых семей [Андреев,

с. 22]? Причем «корпоративное» так имплементировалось в нашу правовую систему, что в области подготовки кадров была установлена научная специальность «корпоративное право».

Корпоративное право претендует сегодня на «отраслевой апломб», хотя, не будучи урегулированным самостоятельным кодифицированным актом, представляет собой подсистему ГК РФ, в котором наличествуют имеющие отраслевые связи своды предписаний и положений таких сфер, как гражданская, предпринимательская и корпоративная. Причем гражданско-правовые предписания представляют собой основу, фундамент, а корпоративные правила обладают некоторым исключительным характером. Однако растворенность в базовом законодательстве усложняет поиск этих самых корпоративных правил в различных частях ГК РФ.

Проводя анализ правовой природы категорий «корпоративное», «корпорация», на наш взгляд, нужно исходить из понимания того, что граждане (физические лица) и юридические лица обозначены как равноправные участники отношений, регулируемых гражданским законодательством. В этой связи следует трактовать юридическое лицо как социальную реальность, где ее субъекты приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе, т.е. гражданский закон в общем плане не делает различий в их правовом положении в гражданском обороте. А Конституция РФ признает право каждого на объединение с гарантией права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, владея, пользуясь и распоряжаясь своим имуществом как единолично, так и совместно с другими лицами.

Таким образом, рассуждая о взаимоотношениях юридического лица и его участников, физических лиц, мы приходим к выводу о том, что корпорация, олицетворяя их равное положение, склоняет чашу весов в сторону правового статуса именно участников. Что есть такое юридическое лицо, оно есть суть столкновений элементов, его составляющих. Хотя исследователи иногда

представляют свои точки зрения. Например, А.В. Габов высказал тезис о том, что, несмотря на отсутствие в законодательстве самого термина «юридическое лицо», артель, товарищество и другие образования признавались субъектами права, отличными от физических лиц [Габов, с. 76]. Е.В. Богданов же утверждает, что субъектом права может быть только человек (физическое лицо). Физическое лицо, например, исполняющее обязанности директора (органа) юридического лица, реализует в гражданском обороте собственную правосубъектность [Богданов, с. 76].

Юридическое лицо, независимо от его организационно-правовой формы, может быть создано на основании решения учредителя (учредителей). Такая формулировка вызвана тем, что в соответствии с Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 236-ФЗ «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» юридические лица, создаваемые Российской Федерацией, учреждаются на основе специальных федеральных законов. Юридические лица могут участвовать на основании типового устава, утвержденного уполномоченным государственным органом. Гражданский кодекс РФ, помимо правосубъектности юридического лица, подчеркивает в том числе и правомочия членов корпорации.

Эти правомочия не связаны тесно с самой способностью организации участвовать в гражданских правоотношениях, потому что они не относятся к категории юридического лица, а представляют собой возможности его учредителей и членов. Связь с таким юридическим лицом дает возможность претендовать на правомочия в отношении этой организации, которую участники создали. Вместе с полномочиями, определенными для членов организации вообще, имеется еще право делить доходы, предназначенные для передачи участникам; претендовать на квоту материальных средств или их денежный эквивалент при прекращении деятельности корпорации, если имеется остаток после удовлетворения требований кредиторов; выступать с инициативой о прекращении членства других участников.

Наравне с необходимостью исполнять предписанные для всех обязанности член корпорации, например хозяйственного общества, должен пополнять уставный капитал и другое имущество своей организации посредством внесения вкладов в соответствии с предписаниями учредительного документа - устава.

Сущность и правовая природа внутрикорпоративной жизни юридического лица отражаются в наиболее широкой возможности членов этой организации реализовывать свои правомочия участника. При этом возможность действовать и требовать, а также необходимость исполнять и отвечать зачастую не объединены в неразрывный процесс. В этой связи претензионное и должное участников образуется самостоятельно и не является основанием для обращения за помощью к корпорации в целом.

Следует помнить, что речь идет о правомочиях, которые отличаются от общих, универсальных, присущих правосубъектности вообще. Здесь особый случай, здесь ими обладает определенное сообщество субъектов, взаимодействующее по особым правилам, где требуется превентивное согласование с другими себе подобными. Смысл всего этого таков, что реализация своих возможностей для каждого члена такого коллектива допустима не с точки зрения единоличного поведения, а в рамках договорных отношений, являющихся в соответствии с ГК РФ внутренней сутью данной корпоративной организации. Особым случаем, помимо общих требований, является достижение совместного результата членов корпорации, если каждый их голос имеет значение и это является важным для организации. По этим причинам нет необходимости позиционировать право на участие, поскольку оно не являет собой какой-либо независимой юридической субстанции. В том числе и потому, что сущность корпоративного также подразумевает связь с руководящей деятельностью хозяйствующим субъектом.

Из указанных правоотношений следуют возможности членов организации выступать в ее интересах по вопросам компенсации материального вреда, признания недействительными сделок в соответствии с

ГК РФ и требовать реституции или восстановления нарушенных прав. Реализация полномочий представителя при этом означает, что член организации действует во имя и для пользы данной корпорации по желанию и свободно. Представление интересов рассматривается в данном случае более широко, чем определяет гражданское законодательство. Оно подразумевает заботу о совершении действий, влекущих возникновение гражданских прав и обязанностей, и полномочия истца по пресечению нарушений законных интересов корпорации ее управляющими должностными лицами. Такое представительство закреплено нормативным актом, и явствует конституционное выражение посредством, например, судебного иска по правилам гражданского законодательства.

Члены корпорации, ратующие за сатисфакцию и компенсацию в связи с нарушением прав и интересов своего юридического лица, в процессе взаимодействия с себе подобными обязаны известить своих компаньонов о планах на судебную перспективу, что, безусловно, будет способствовать укреплению доверия внутри сообщества и повышению ответственности ее участников. Смысл в том, что члены корпорации, проигнорировавшие требования товарищей-истцов, лишаются в соответствии с законом права судебного спора по данному предмету.

Получается, что члены корпорации, выражая заботу о ней, действуя своей волей в ее интересах, ограждают ее от неправомερных действий и возможных злоупотреблений со стороны ее руководства и иных должностных лиц, определяющих ее политику или подвергающих ее своему влиянию. Например, члены обособленных подразделений зависимого и дочернего характера могут обжаловать поведение головного юридического лица, приведшее в результате его деятельности к возникновению вреда и ущемлению их прав и законных интересов.

Обратим внимание на то, что регулирование деятельности корпорации изобилует такими терминами, как «голосование», «договор об учреждении», «решение собрания», «корпоративный договор». Например, учредители

общества заключают в письменной форме договор об учреждении общества, определяющий порядок осуществления действий или совместной деятельности (п. 5 ст. 11 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»). В решении об учреждении хозяйственного общества помимо прочего указываются также сведения о результатах голосования учредителей юридического лица.

Законодательством в качестве оснований, из которых возникают гражданские права и обязанности, названы решения собраний. В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015] под решениями собраний понимаются решения гражданско-правового сообщества, т.е. определенной группы лиц, наделенных полномочиями принимать решения на собраниях, с которыми закон связывает юридические требования, обязательные для всех лиц, имеющих право участвовать в таком собрании.

Решение собрания представляется монолитным результатом действия многих, где, в отличие от соглашения, в силу которого возникают права и обязанности, вопросы, подлежащие решению на собрании корпорации, не ставятся как предложение заключить соглашение, а итоговый результат - решение - не определяется как согласие к взаимодействию. В этой связи сомнительными представляются суждения некоторых исследователей [Андреев, 2017, с. 13] о том, что решение собрания следует считать действиями, направленными на возникновение прав и обязанностей.

Действительно, ведь решение собрания имеет кардинально другую основу юридического факта с точки зрения неприменимости здесь автономии воли и диспозитивности как возможности выбора модели поведения по своему усмотрению. В данном случае имеет место закрепление определенного правила поведения, отражающее скорее императив, повеление, руководство к действию, необходимость поступать, как указывает вектор, и потому при возникновении разногласий здесь не работают последствия уклонения, например, от нотариального удостоверения или государственной регистрации сделки.

Итак, решение общего собрания корпорации по смыслу законодательства может представлять собой юридический факт как обстоятельство, являющееся основой гражданского правоотношения. Отсюда исходит и возможность для членов такой организации защищаться посредством его оспаривания. Это формат взаимосвязи корпорации и ее членов. Что же касается реализации правомочий и интересов участников в споре друг с другом, то это уже прерогатива корпоративного договора.

Корпоративному договору значительное внимание уделяется в исследованиях. ГК РФ определяет применимость относительно его общих положений об обязательствах [Степанов, Фогель, Шрамм, с. 23]. Как юридический факт, этот договор обладает спецификой. Например, он может обязать членов организации голосовать по определенной проблематике либо свобода его заключения может быть ограничена в отношении некоторых вопросов непубличного общества.

Таким образом, корпоративные отношения - совместное (объединенное, интегрированное, корпоративное), подчиненное одной или нескольким общим целям действие и/или действия, поведение, волеизъявление заинтересованных лиц (участников корпоративных отношений), объединенных (инкорпорированных) между собой совместными (корпоративными) связями (правоотношениями).

Субъекты (участники) корпоративных отношений - физические и/или юридические лица. Объект корпоративных отношений - совместная деятельность участников. Предмет корпоративных отношений - объединение имущества и/или действий на основе совместных интересов посредством корпоративных связей (правоотношений).

2.2 СПЕЦИФИКА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

С установлением в ГК корпоративных отношений, описываемых в качестве тех, что имеют связь с участием в корпорациях либо управлением таковыми, возникла и возможность говорить о наличии новой разновидности гражданско-правовой ответственности, чья специфика predetermined сущностью названных отношений. Это, соответственно, корпоративная ответственность, появляющаяся, если были нарушены конкретные корпоративные обязанности, имеющие место при управлении организацией.

Причиной обособления корпоративной ответственности можно считать ее специфику. Она появляется в правоотношениях, имеющих связь с управлением корпорациями, признаваемых частно-правовыми не имущественными и относительными. Они также обладают связью с субординацией.

Последняя в отношениях управления корпорацией приводит к властному свойству компетенции управления, и к императивности в регламентации соответственных правоотношений.

Базой корпоративной ответственности нужно признать отдельную имущественную ответственность для компаний, тех, кто в ней участвует, непосредственно управляет ею, других лиц (принцип отделения), принцип специалитета (появление ответственности лишь в форме санкций, порядок использования и субъекты которых определены законодательно), персональной и дифференцированной ответственности (появляющейся отдельно для компании и отдельно для других участников корпоративных правоотношений, существование конкретных разновидностей корпоративной ответственности). Непосредственно из-за особенностей управленческого характера корпоративных правоотношений и императивности их регламентации предусматривается принцип специалитета. Ключевые субъекты, относительно которых наступает корпоративная ответственность, это лица, реализующие контроль [Гутников, 2019, с. 88].

Указанная ответственность подразделяется на 2 главные категории: первая появляется при наличии корпоративных правонарушений (так называемый узкий подход к ней), вторая обеспечительная,

«квазикорпоративная», не обладает связью с названными нарушениями, ее субъекты – лица, участвующие в корпоративных правоотношениях, в законодательно определенных ситуациях. Такая ответственность появляется на том основании, что лицо осознано решает нести риск того, что возникнут отрицательные для третьих лиц последствия функционирования компании, управляет которой это лицо при наличии соответственной компетенции на это.

Вне зависимости от того, какая именно из описанных разновидностей корпоративной ответственности наступает, соответственные санкции налагаются за то, что были нарушены гражданские права конкретного субъекта, и здесь не имеет никакого значения: относительное ли данное право, в частности, корпоративное, либо абсолютное.

Всякая гражданско-правовая ответственность предполагает, что к ответственному лицу применяются гражданско-правовые санкции, либо, иными словами, меры названной ответственности. Правовая ответственность вообще, по указанию О.Э. Лейста, представляет собой непосредственно осуществление санкции правовой нормы, и в ее содержание входят вполне конкретные правовые последствия вполне конкретного неправомерного поведения [Лейст, с. 240].

Классической для гражданско-правовой доктрины мерой гражданско-правовой ответственности можно назвать наступление каких-то неблагоприятных последствий относительно правонарушителей. Указанный факт предопределен доминирующим мнением о гражданских правоотношениях как о тех правоотношениях, что базируются на равенстве, независимой воли и наличии независимого имущества у их участников, что означает существование у них имущественного характера во всяком случае. Поэтому вследствие непосредственного предписания ст. 15 ГК универсальной мерой такой ответственности признается обязанность компенсировать ущерб, появляющаяся всегда, когда какое-то конкретное субъективное гражданское право нарушается [Убытки и практика их возмещения, с. 122]. И в ситуациях, при которой в гражданско-правовую область входят личные неимущественные отношения, в

рамках которых происходит нарушение, последствиями преимущественно оказываются имущественные меры (компенсируется ущерб, в том числе моральный).

Вследствие этого подавляющая часть исследователей склонна к приравниванию мер гражданско-правовой ответственности, в первую очередь, к отрицательным имущественным последствиям в отношении нарушителя, которые, как кажется, можно назвать компенсаторно-восстановительными[18, с. 493]. Ответственность в гражданском праве, как утверждает Е.А. Крашенинников, представляет собой выполняемую вследствие принуждения со стороны государства охранительную гражданскую обязанность нарушителя права, а ее осуществление приводит последнего к тому, что он лишается части своего имущества[34, с. 11]. Компенсирование пострадавшему происходит по правилам ст. 15 ГК, в первую очередь, в отношении убытков в виде выплаты денежных средств. Одновременно допускаются иные подобные санкции в качестве альтернативы либо дополнения. Это предусмотренная ст. 330 неустойка, урегулированное ст. 151 того же Кодекса возмещение морального вреда, применительно к корпорациям, это может быть возмещение за несоблюдение акционерного договора (п. 7 ст. 32.1 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее - Закон об АО)).

Тем не менее, существование гражданско-правовой корпоративной ответственности нуждается в том, чтобы была установлена специфика ее мер, следующая из сущности корпоративных правоотношений, имеющих связь с управлением компанией. Свойство данных правоотношений, базирующихся на императиве их регламентации, обязательно скажется и на особенности мер соответственной ответственности.

Эти особенности, разумеется, будут принимать во внимание специальные отрицательные последствия нарушений в соответственной сфере, способных относиться как к имущественным, так и к личным. Это не просто нанесение ущерба, но и недополучение прибыли, из которой, как известно, платятся дивиденды, отсутствие возможности реализации конкретных корпоративных

прав, отчуждения акций по рыночной цене, утрата либо ограничение конкретных правомочий в данной сфере. Корпоративное нарушение способно привести к потере контроля в корпорации в качестве отдельной ценности, доли участия, к отсутствию возможности либо большим сложностям в реализации организацией деятельности, отсутствию возможности достижения целей ее функционирования.

Вследствие этого меры корпоративной ответственности не способны и не должны быть только имущественными. Как кажется, подобный подход в принципе соответствует сущности ответственности в гражданском праве, способной иметь отражение не просто в имущественных наказаниях (неустойке, возмещении и пр.), но и в других отрицательных для правонарушителя последствиях. В частности, как указывает О.С. Иоффе, гражданско-правовая ответственность представляет собой санкцию за нарушение прав, при которой для виновного в этом лица наступают какие-то негативные последствия. Например, он теряет свои субъективные права или получает в дополнение какие-то обязанности. Одновременно свойственная мерам гражданско-правовой ответственности специфика состоит не просто в появлении таких негативных последствий для виновного, но и в том, то за счет этого восстанавливается положение пострадавшего [Иоффе, с. 203].

Непосредственно существование этих негативных последствий относительно виновника дает возможность причисления «квазикорпоративной» обеспечительной ответственности, похожую в многом на институт поручительства, к гражданско-правовой, а не какой-то другой разновидности ответственности. Что касается поручительства, то оно, в первую очередь позволяет обеспечить обязательства, а названная обеспечительная ответственность приводит к тому, что у виновника появляются отрицательные последствия в дополнение. После того, как кредиторы получают удовлетворение, лицо, подлежащее данной ответственности, не может получать в отношении главного должника - организации – возможности заявлений требований. Ответственность такого лица отделена: убыток, обусловленный тем, что

обязательство компании не было выполнено, в полной мере будет обязано покрыть лицо, признанное нарушителем.

Как видно, в ситуациях, при которых в корпоративных правоотношениях происходит появление ответственности за то, что оказались нарушенными субъективные права, имеющие связь с управлением корпоративной компанией, негативные последствия для виновного в этом проявляются не просто в имущественной сфере, но и в личной, появлении других обременений в дополнение, пока восстановить такие нарушенные права посредством имущественных выплат в большинстве случаев невозможно.

Таким образом, не имущественные санкции способны получить отражение в том, что утрачиваются либо ограничиваются неимущественные права либо компетенция, появляются новые обязанности, в частности, по отказу от реализации конкретных действий, отказу на конкретный временной период от некоторой компетенции и пр.

Сегодня в корпоративном праве неимущественные санкции ответственности почти не предусмотрены. В некоторых ситуациях они определены, в частности, возможность ограничить конкретную неимущественную компетенцию, в первую очередь, компетенцию голосовать на общем собрании. Так, в п. 6 ст. 84.2 ФЗ об АО предусматривается, что лицо, купившее больше 30% акций публичного АО с нарушением обязательства непременно направить в адрес иных акционеров предложения о покупке названных ценных бумаг, до тех пор, пока не выполнит указанное обязательство, не вправе голосовать по акциям свыше обозначенного предела в 30%.

Поэтому гражданско-правовая наука должна будет создать совокупность неимущественных санкций в рамках корпоративной ответственности, нацеленных не просто на возложение на виновного ответственность за отрицательные действия, но и на восстановление нарушенных прав пострадавших от соответственных нарушений в области корпоративного права.

Создавая названные санкции, нужно будет принять во внимание специфичные черты отрицательных последствий от одной либо другой разновидности нарушений в названной области.

А именно, подобными санкциями способны стать следующие ситуации, когда:

а) виновное лицо утрачивает корпоративные права либо ограничивается в них (например, приостанавливается либо ограничивается правомочие управления организацией, утрачивается либо ограничивается правомочие голосовать, и т.п.);

б) виновное лицо получает неимущественные обязательства в дополнение (подать сведения, участвовать на общем собрании, проголосовать на нем конкретным образом и т.п.);

в) признается недействительность актов компании и осуществленных ею сделок;

г) виновное лицо, участвующее в компании, исключается из нее;

д) акты либо сделки компании признаются изданными (совершенными) либо измененными по конкретным параметрам;

е) компания утрачивает особое право (лицензии) либо принудительно покидает саморегулируемую организацию в сфере своей деятельности;

ж) компания будет в порядке принуждения реорганизована либо вовсе ликвидирована.

Особенности корпоративной ответственности полностью получают отражение и в виде имущественных санкций за соответственные нарушения. В «квазикорпоративной» ответственности, в которой не имеется непосредственно корпоративно-правового нарушения, а корпоративный поручитель вследствие риска подлежал привлечению к субсидиарной либо солидарной ответственности, поскольку не были выполнены обязанности компании перед кредиторами, как видно, подобные особенности получают отражение просто в том, что названные имущественные санкции подлежат применению относительно иного лица, которым здесь будет корпоративный поручитель.

Других отличий от соответственного механизма ответственности по договору либо вследствие деликта нет.

Но в ситуациях, в которых корпоративная ответственность появляется за соответственные нарушения, происходящие в рамках реализации прав и обязанностей по управлению корпорацией, указанное сказывается и на специфике наложения имущественных санкций.

Прежде всего, не всякое нарушение корпоративных обязанностей либо аналогичных прав повлечет в любом случае ответственность в форме компенсации вреда. Как видно, особенности санкций, избираемых тогда, когда нарушались гражданские права, связаны с характером последних. Вышеуказанная компенсация однозначно представляет собой меру ответственности, используемую, если нарушались имущественные права (любой разновидности), и соответственные исковые требования необходимо заявлять всегда в подобных ситуациях. Относительно неимущественных корпоративных прав можно сказать, что существование ущерба может быть и не явным, что вынуждает конкретизировать нарушения, порождающие обязательство компенсации.

С указанной позиции нужно полностью придерживаться принципа специалитета при использовании корпоративной ответственности, предполагающего потребность в непосредственном установлении в законодательстве санкции – компенсации ущерба – при наличии определенного корпоративного нарушения [Гутников, 2018, с. 49].

Корпоративные отношения, как известно, не являются простыми, не имеют срока и весьма непредсказуемы. Не существует общего корпоративно-правового предписания, как, в частности, в обязательственном праве о том, что соглашение подчиняется исключительно таким нормам-императивам, что имели действие при его составлении. Поэтому действия лиц, участвующих в корпоративных отношениях, всегда обязаны отвечать предусмотренным требованиям корпоративного права, склонного все время меняться, причем предсказать в какую именно сторону, практически невозможно. Начиная

участие в названных отношениях (тем более, в области коммерции), нужно понимать будущий риск убытков в границах сделанного вклада. Это не предпринимательство, нет необходимости в том, чтобы при осуществлении действий обращаться к множественным корпоративно-правовым нормам, можно передать управление иным лицам по найму. Принуждение участника к компенсации вреда в случае появления нарушения означает, что «принцип отделения» нарушается, что корпоративная ответственность фактически означает риск как для предпринимателя. Поэтому неправильным выглядит позиция исследователей, считающих необходимым отталкиваться от принципа «генерального деликта» в корпоративном законодательстве, то есть, компенсировать вред, нанесенный каким бы то ни было нарушением соответствующих прав [Корпоративное право: Учебник, 2018 с. 769].

Универсальный характер компенсации ущерба в делах о защите прав, оказавшихся нарушенными, не значит, что можно без ограничений подавать иски, а предполагает, что названная мера востребована и может использоваться при наличии непосредственного указания на нее в санкции соответствующей статьи, как и отсутствии непосредственного запрета на это, и если применить ее, станет реальным восстановление такого права и ликвидация отрицательных имущественных последствий и урона, нанесенного нарушением. Ранее уже говорилось, что в корпоративном праве порой неочевиден потенциал восстановления права, имеющего связь с управлением организацией, путем компенсации урона, что приводит к потребности конкретизировать данный потенциал прямо в корпоративно-правовых нормах.

Исключительно тогда, когда потенциал заявления соответствующего требования установлена названными нормами, к указанному требованию о том, чтобы компенсировать вред, появившийся вследствие корпоративных отношений, как предполагает п. 3 ст. 307.1 ГК, стоит использовать правила подраздела 1 «Общие положения об обязательствах» разд. III названного Кодекса, в том числе касающиеся ответственности при несоблюдении обязательств (гл. 25 названного подраздела).

Далее, невозможность предугадать ход корпоративных правоотношений, predetermined наличием компонента стороннего управления, и императивные корпоративно-правовые нормы позволяют не использовать компенсацию ущерба, а создать набор специальных имущественных санкций, преимущественно штрафов, используемых, если чьи-либо корпоративные права оказались нарушенными, их объем будет установлен в корпоративном соглашении, учредительной документации либо законодательстве, а также в судебном порядке. Указанный набор имеет более очевидное соответствие специфике отношений, имеющих связь с управлением организацией, базирующихся на методике частноправовой субординации и императивности при регламентации, поэтому указанные отношения (и соответственные меры ответственности) становятся похожи на публичные правоотношения и следующие из них санкции. Поэтому необходимо подчеркнуть указание Конституционным Судом РФ при исследовании им гражданско-правовое возмещение, назначаемое в ситуации, при которой нарушенными оказались исключительные права, на наличие там свойств публично-правовой ответственности в степени выступления ее как публичной превенции.

Сегодня специальная мера, рассматриваемая здесь, а именно, возмещение ущерба закрепляется нормой п. 7 ст. 32.1 ФЗ об ОАО, предполагающей, что, если акционерный договор был нарушен, возможно назначение правонарушителю санкции в форме возмещений в твердой сумме либо в сумме, определяемой по условиям названного договора. В указанной форме возмещение, тем не менее, почти не имеет отличий от закрепленной в ст. 330 ГК гражданско-правовой неустойки. Но ГК закрепляет и другие разновидности возмещения, вычисляемого в конкретных ситуациях не участниками конфликта, а в судебном порядке, исходя из специфики правонарушения. Подразумевается предусматриваемое ст. 151 ГК возмещение морального вреда, кроме того уже названном и закрепленном п. 3 ст. 1252 ГК возмещении в ситуации с нарушенным исключительным правом. Сумма возмещения морального вреда устанавливается в судебном порядке, исходя из виновности

правонарушителя и других подобных факторов, в частности, учитываются перенесенные нравственные и физические страдания, имеющие связь с личными чертами характера человека, которому нанесен ущерб. Возмещение в ситуации с нарушенным исключительным правом назначается также в судебном порядке в границах, предусмотренных ГК, исходя из характеристики нарушения и других факторов, во внимание принимаются принципы справедливости и разумности. Одновременно названное возмещение назначается вместо возмещения убытков непосредственно по той причине, что когда нарушаются такие права, очень непростым делом оказывается доказательство не просто размера нанесения ущерба, но и сам факт этого. Но аналогичные трудности присутствуют и в корпоративных правоотношениях, ибо тяжело дается доказательство наступления убытков от того, что, в частности, было нарушено право голоса.

Как кажется, принимая во внимание специфичность корпоративных нарушений, что-то похожее стоит закрепить и в корпоративном законодательстве в качестве специальной санкции, назначаемой в судебном порядке, если были нарушены неимущественных права (управления) и охраняемые законом интересы, обязательно нужно следовать принципа специалитета (в ситуациях, указанных в законодательстве).

Специфичный характер рассматриваемых нарушений предопределяет обоснованность и других особых мер ответственности. В частности, общеизвестна проблема корпоративного права, состоящая в том, что невозможно принудить организацию к тому, чтобы она выплачивала дивиденды в ситуациях, при которых общее собрание не принимало решения об осуществлении данных выплат. Однозначный вывод вытекает из ст. 42 ФЗ об АО, а именно, общество имеет право, но не обязанность по вынесению рассматриваемого здесь решения даже тогда, когда у такой компании остается чистая прибыль. О неимении названной обязанности говори даже Конституционный Суд РФ. Тем не менее, если осуществляющие контроль акционеры решают не платить дивиденды, даже когда есть чистая прибыль, это

в некоторых ситуациях рассматривается как специфичное корпоративное нарушение, а виновные в нем лица умышленно наносят ущерб миноритарным акционерам, так как нарушают корпоративное право последних на получение дивидендов. Вследствие этого С.А. Сеницын предлагает, что в подобных ситуациях должна наступать особая корпоративная ответственность для осуществляющих контроль лиц, имевших умысел и нанесших вред миноритариям тем, что отказались распределять прибыль. Как кажется, санкцией здесь должно стать принуждение мажоритариев, проголосовавших соответственным образом, к выплате миноритарным акционерам дивидендов пропорционально части чистой прибыли компании, пришедшейся на долю миноритариев, которые проголосовали за распределение прибыли. Исследователь высказывает еще одно предложение, реализация которого помогла бы восстановить нарушенное право миноритарных участников на часть прибыли в виде дивиденда. Предлагаемую меру стоит считать не корпоративной ответственностью, а особой законодательно предусмотренной охранительной мерой, принимающую во внимание интерес участников обществ обеих групп – и мажоритариев, и миноритариев. Последним, в частности, нужно выплачивать дивиденды в объеме, соответственном их доли участия в обществе, если они изъявили волю на получение дивидендов, и вне зависимости от результатов голосования по данному вопросу, оставшаяся прибыль будет распределена так, как проголосует большинство [44, с. 128]. Тем не менее, в описанной ситуации не решен вопрос о том, на каких основаниях происходит выплата: по умолчанию либо лишь тогда, когда складываются конкретные ситуации, в которые очевидно несправедливое отсутствие выплаты дивидендов. Когда подразумевается, что ОА обязано в любом случае платить дивиденды миноритарным акционерам, проголосовавшим за это, становится понятно, что подобное регулирование будет способствовать тому, что права и охраняемые законом интересы корпорации и мажоритариев будут нарушаться. При выплатах исключительно в особенных ситуациях придется определить: когда, при каких условиях они наступают и т.п.

Соответственно, особенности корпоративных нарушений определяют и особенности назначаемых в случае их осуществления санкций, способных принимать следующие формы:

- а) компенсация убытков;
- б) выплата компенсации по судебному решению;
- в) выплата неустойки (по законодательству либо по соглашению);
- г) компенсация вреда;
- д) утрата имущественных прав либо их ограничение (в частности, объема дивиденда, получаемого нарушителем права);
- е) назначение в дополнение других имущественных обязанностей (в частности, обязательство внести новый вклад в уставный капитал компании, выплатить дивиденды).

Если применяется мера корпоративной ответственности (неважно, какая именно), появляется проблема, сопряженная с тем, что она будет конкурировать с общими мерами гражданской ответственности за нанесение ущерба (деликта) либо за несоблюдение соглашения (ответственность по договору). Эта проблема различным образом решается судами, поэтому, как кажется, стоит установить в законодательстве конкретные способы ее решения в конкретных ситуациях. В частности, в практической деятельности просматривается отсутствие определенности по поводу того, можно ли взыскивать компенсацию по правилам деликтной ответственности вместе с корпоративной, в частности, при несостоятельности: глава компании, который вовремя не заявил о банкротстве (и уже несущий поэтому субсидиарную ответственность), получит обязанность по выплате в соответствии с деликтно-правовыми нормами компенсаций убытков налогового органа, обусловленных тем, что последний понес расходы по делу о несостоятельности или нет?

Еще один момент – неоднозначный потенциал заявить общегражданский иск о компенсации ущерба в ситуациях, при которых по правилам корпоративного (либо банкротного) права не допускается назначение меры ответственности. В частности, банковская компания подала в суд иск с тем,

чтобы привлечь к субсидиарной ответственности лиц, осуществляющих контроль над юридическим лицом, которые довели его до несостоятельности. Одновременно иск составлялся в качестве непосредственно деликтного, с требованием компенсировать ущерб, нанесенный кредиторам вышеуказанными лицами. В 3-х инстанциях в его удовлетворении было отказано с указанием на окончание, во-первых, дела о наступлении субсидиарной ответственности, во-вторых конкурсного производства относительно организации-должника, кроме того на отсутствие доказательства вины в доведении до несостоятельности.

Тем не менее, Верховный Суд РФ отметил необходимость в новом рассмотрении дела, поскольку, если есть требование к организации, это не значит, что иные – физические – лица не понесут ответственности за этот ущерб. Так, умысел при обмане партнера со стороны лица, выступающего как единоличный исполнительный орган, в результате чего был нанесен ущерб третьим лицам, стоит считать отдельным составом деликта. Таким образом, ВС РФ практически указал на потенциал взыскания нанесенного кредиторам ущерба не в рамках законодательства о несостоятельности, а согласно общим гражданско-правовым правилам о деликтной ответственности.

Как кажется, тем не менее, потенциал кредиторов предъявить непосредственно иск о компенсации ущерба к осуществляющим контроль лица связан в указанной ситуации не с общим для гражданского права деликтом, а со специальным корпоративным нарушением со стороны лиц, имеющих полномочия управления компанией. В указанной ситуации основанием для наступления ответственности, отлично от деликтного законодательства, станет не нанесение ущерба непосредственно, а нанесение ущерба, обусловленное тем, что были нарушены конкретные обязанности, имеющие связь с управлением компанией и предусмотренные корпоративно-правовыми положениями.

Специфика корпоративного деликта дает возможность применения мер корпоративной ответственности не просто для защиты интересов организации, но и для защиты интересов членов либо кредиторов организации, посредством взыскания отраженных, как их называют, убытков.

Если соответственные нормы будут закреплены прямо в ГК, нужно будет строго отграничить ситуации ответственности менеджеров перед участниками, кредиторами, контрагентами и пр. в пределах корпоративных правоотношений (и соответственной ответственности) от деликтной ответственности менеджеров перед названными лицами, не имеющей связи с корпоративными правоотношениями, а кроме того от ответственности перед ними непосредственно корпорации. Одновременно нужно обязательно соблюсти специалитет корпоративной ответственности: возможность взыскания убытков существует исключительно тогда, когда это непосредственно указано в корпоративно-правовых нормах.

Вследствие проблемного характера мер корпоративной ответственности нужно выделить то обстоятельство, что в корпоративном законодательстве довольно распространены управленческие соглашения, предусматривающие возможность усмотрения прав и обязанностей в частности относительно аспектов управления компанией. К подобным соглашениям следует причислить соглашение, предполагающее, что одна компания обладает правом дачи непременно исполняемых указаний второй компании, соглашение о реализации функций главы компании, корпоративное соглашение. Компонент управления в подобных соглашениях, делая последние специфичными, дает возможность постановке вопроса о том, что обычных мер ответственности по договору в гражданском праве за соответственные нарушения (компенсации убытков, выплата неустойки и пр.) не достаточно, нужно создавать и внедрять в таких корпоративных соглашениях новые механизмы корпоративной ответственности, свойственного правоотношениям, имеющим связь с управлением компанией, в том числе, специальные имущественные и иные меры соответственной ответственности.

Особенности отношений управления означают, что как санкции за то, что не было соблюдено управленческое соглашение, способны выступить меры, в рамках которых прекращается, приостанавливается либо меняется (в большую либо меньшую сторону) объем компетенции по управлению, не просто

относительно менеджера, но и относительно его подчиненного. Здесь стоит назвать, в частности, случаи, когда ограничивается либо отнимается право голосовать на общем собрании (скажем, ограничивается в определенной степени право голосовать по поводу чистой прибыли и пр.), приостанавливается право дачи распоряжений по конкретным аспектам либо, напротив, указанное право расширяется при появлении конкретных нарушений. Может быть предоставлено, приостановлено либо отобрано право вето, возможность признать принятие решения в соответствии с корпоративным соглашением, поменять итоги голосования, если при этом было нарушено корпоративное соглашение, назначить главу компании либо кандидатов на эту и другие должности, исключить участника из компании и ликвидировать последнюю.

Если нарушено соглашение об управлении, допустимо применение и особых имущественных мер корпоративной ответственности, в частности, когда названное соглашение предполагает возмещение в денежном выражении, чей объем рассчитывается участниками соглашения, а судом, исходя из особенностей конкретного нарушения. В соглашении можно предусмотреть границы подобной ответственности, даже если они отличны от границ, закрепляемых законодательно в качестве общего положения о возмещении в случае корпоративного нарушения (аналогично указанному в п. 3 ст. 1252 ГК возмещению за вред исключительным правам).

Еще одной особой мерой имущественного характера в корпоративном и иных аналогичных соглашениях становится компенсирование потерь (ст. 406.1 ГК), хотя его, в сущности, нельзя считать такой мерой в полном смысле, ведь ее применение возможно в ситуациях, не имеющих связи с нарушением обязательств участником соглашения. В соглашениях об управлении способны в дополнение предусматриваться имущественные обязанности при появлении конкретных нарушений, а именно, обязанность по реализации собственных акций (доли участия) по оговоренной стоимости конкретным лицам, или, напротив, утрата права на покупку долей, прежде приобретенного в рамках

соглашения в управлении. Вероятно, что может быть принята еще одна подобная мера, а именно лишение права получать дивиденды полностью либо на протяжении оговоренного времени.

Несоблюдение корпоративного соглашения, как гласит п. 6 ст. 67.2 ГК, способно стать причиной того, что решение органа компании в рамках исковых требований участника названного соглашения будет признано недействительным в обстоятельствах, при которых в то время, когда орган принимал соответствующее решение, участниками такого соглашения были все члены данной компании. В указанной ситуации решение, ставшее недействительным вследствие того, что было нарушено корпоративное соглашение, стоит воспринимать как своего рода меру корпоративной ответственности компании либо конкретных менеджеров, имеющих интерес в том, чтобы данное решение имело место. Еще одной мерой ответственности, приводящей к отрицательным имущественным последствиям, а именно, к компенсации вреда и реституции, оказывается признание недействительности сделок вследствие того, что не была соблюдена корпоративная процедура их осуществления (одобрения), иными словами, по корпоративным основаниям. Признать решение недействительным в рамках применения корпоративной ответственности возможно потому, что данная санкция, являясь гражданско-правовой, призвана восстанавливать право, оказавшееся нарушенным, возвращать его первоначальное состояние.

Стоит указать на специфичную черту всех мер корпоративной ответственности, а именно, они зависят от того, насколько силен корпоративный контроль виновного в нарушении лица. Ранее отмечалось, что чем больше субъект участвует в управлении компании, влияет на деятельность последней, тем больше будет его корпоративная ответственность. Минимум возможности воздействовать на управление компанией, обусловленное наличием миноритарного объема долей (акций) в компании означает минимум санкций, применимых к его обладателю. Максимум возможности воздействовать на управление компанией, достигающее до степени контроля над

корпорацией, означает наибольший объем назначаемых санкций. Указанное полностью относится непосредственно к корпоративной ответственности, имеющей связь с противоправными действиями лица, виновного в нарушении, а также к обеспечительной ответственности, называемой еще «квазикорпоративной».

Таким образом, санкции корпоративной ответственности имеют свою специфику по сравнению как с прочими отраслями права (в публичных отраслях - это публично-правовые штрафы, воздействие на личность нарушителя (лишение свободы)), так и с иными видами ответственности в гражданском праве (договорной и деликтной), в которых неблагоприятные последствия выражаются в причинении имущественного вреда (убытков), а санкции носят, преимущественно, исключительно имущественный характер. Не может, тем не менее, меняться, принцип специалитета, а соответствующие меры в отношении определенных правонарушений необходимо закрепить непосредственно в законодательстве либо в управленческом соглашении.

ГЛАВА 3. ПРЕДПОСЫЛКИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА В РОССИИ

3.1 ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА В РОССИИ

Цифровизация сегодня распространяется все шире, буквально на все области жизнедеятельности. Корпоративное право в этом смысле не стали исключением. Об указанном факте свидетельствует публикация Еврокомиссией акта от 25 апреля 2018 г. «О внесении изменений в Директиву (ЕС) 2017/1132 относительно использования цифровых инструментов и процессов в законодательстве о компаниях». Предполагается, что указанные в нем меры будут стимулировать возможности дальнейшего роста фирм Евросоюза за счет того, что процессы их функционирования будут оцифрованы. Каждая страна-участница обязана заниматься обеспечением возможности зарегистрировать организацию либо ее филиал в режиме онлайн, чтобы не требовалось персональное присутствие гражданина в соответственном органе (кроме ситуаций, при которых подозревается осуществление мошеннических действий).

ИТ сейчас появляются настолько быстро, что непрофессионалы в названной области, в частности, не успев понять, что собой представляют, скажем, цифровые платформы, понимают необходимость замены их на цифровые экосистемы. Указанное воздействует и на быстроту развития права в эпоху современности. Потенциал ИТ способствует изменению форм ведения предпринимательства, процессов взаимодействия между теми лицами, которые им занимаются, процессов образования компаний и управления ими.

Сегодня успешное функционирование корпоративных компаний зачастую не имеет связи с их длительным постепенным последовательным развитием. Дело, существующее сразу во многих странах, способно стать прибыльным, в частности, за счет использования онлайн-платформ (так, во

всем мире сейчас востребовано такси Uber). Сегодня началось время успешных корпораций, выстраивающих бизнес-модель на сочетании цифрового подхода, телекоммуникаций, ИТ и операций, осуществляемых с их помощью. Указанное относится и к корпоративной деятельности по управлению компаниями. Поэтому исследователи широко дискутируют на тему алгоритмических организаций (algorithmic entities), децентрализованных автономных организациях (decentralized autonomous organization). Это означает использование в них последних технологий для формирования децентрализованной структуры полной организации процессов в цифровой сфере, в частности, в управлении.

Отечественное корпоративное право и его нормы сегодня проходят стадии своего развития по определенным векторам [Чеховская, с. 74]. Прежде всего, это решение задачи ответа на запросы больших публичных компаний. В указанном направлении сегодня действует Банк России, кроме того Правительство РФ, отдавшее распоряжение № 1315-р от 25 июня 2016 г. План мероприятий («дорожную карту») «Совершенствование корпоративного управления». Одновременно, проходит процесс образования правовой основы работы непубличных компаний. Рассматривая возможность и степень воздействия информационных технологий на корпоративное право, стоит полагать, что за счет цифровизации возникают предпосылки для появления потребности в новейшем корпоративном праве, иными словами, вектор его развития определенным образом меняется. Для доказательства указанного факта потребуется установление степени того, насколько широко в корпоративной практике определенных корпоративных компаний используются такие ИТ.

Как кажется, корпоративные компании, имея желание снизить издержки, изыскивают новые ресурсы и рынки. Таким образом, появляется запроса на новое законодательство, в частности корпоративное. Одновременно, вероятно, электронные действия корпораций способны преодолеть проблему пассивного поведения ее участников (членов). В рамках настоящего исследования стоит

заняться выявлением непосредственно взаимного характера, так как отсутствие сложностей в применении ИТ способствует реализации корпоративных прав.

Безусловно, существует конкретная зависимость перемен в законодательной регламентации от степени того, настолько широко ИТ используются в разнообразных процессах жизнедеятельности, в частности, при ведении бизнеса и, конечно, в корпорациях. Можно обособить 3 стадии, имеющие связь, в сущности, с 3-мя разновидностями применения рассматриваемых технологий.

На первой стадии имеет место лишь автоматизация некоторых процессов, заменяющих работу человека лишь в части. В указанное время в нормативных правовых актах прослеживается стремление к установлению особых норм, просто предусматривающих потенциал использования цифровых технологий. Иными словами, в указанной ситуации не нужно вводить какие-то серьезные изменения в существующие законы, преимущественно, просто указывается, что электронные способы реализации одних либо других действий ничем не уступают обычным формам. Примером здесь служит п. 3.1 ст. 41 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах». Там предусматривается процедура реализации преимущественного права, если выпускаются дополнительные акции. Норма закрепляет, что заявление о покупке размещаемых акций лица, обладающего таким правом, может быть подано посредством передачи под роспись регистратору компании документа в письменном виде, где должна быть подпись заявителя, а при наличии предписания о том, что регистратор компании ведет реестр, еще и посредством передачи ему электронного заявления, при наличии на нем квалифицированной электронной подписи заявителя. Одновременно остается потенциал закрепления положения о допустимом подписании электронной формы заявления неквалифицированной (то есть простой) электронной подписью. В такой ситуации электронная форма ничем не уступает бумажному варианту, на котором проставляется подпись заявителя, сделанная им собственноручно. Аналогично мнение авторов Л. Новоселовой и Т. Медведевой, которое они

опубликовали в своей работе по поводу процедуры вынесения решений общим собранием участников компании, когда при этом применяется блокчейн [Новоселова, Медведева, с. 17]. Как утверждают исследовательницы, в ст. 66.3 ГК прописан потенциал непубличных компаний установления в уставе (при наличии единогласного решения) отличающейся от законодательно предусмотренной процедуры созыва, организации и осуществления общих собраний членов корпораций, вынесения на них решений, если указанные изменения не приведут к утрате членами прав участвовать в общем собрании непубличной компании и получать сведения об этом. Иными словами, правовых помех и проблем право применения на первоначальной стадии преимущественно не имеется. Специфика появляется, когда образуется доказательственная база, если нарушаются права в рамках реализации электронных операций. Здесь нужно проанализировать Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов». Его значение состоит в пояснении специфики подготовки и рассмотрения дела, если применяются электронные документы, должны быть исполнены и переданы акты судов в электронной форме.

Вторая стадия характеризуется полной заменой отдельной операции электронной формой ее проведения, а в некоторых случаях предусматривается выдача юридически значимого документа в электронной форме. Например, в соответствии со ст. 8.9 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» для владельцев, учитывающих ценные бумаги в депозитариях, с 1 июля 2016 г. ряд прав по ценным бумагам может быть реализован только через обслуживающие таких владельцев депозитарии с использованием электронного документооборота.

После постепенного включения ИТ в различные бизнес- и социальные процессы наступает следующий, третий, этап применения ИТ, который характеризуется трансформацией тех систем, где внедряются ИТ. Если

говорить о корпорациях, то сейчас уже созданы технологические возможности для создания так называемых децентрализованных автоматизированных организаций (ДАО), которые могут быть реализованы частично в корпорации (т.е. так называемая смешанная (blended) форма), либо создано лицо в цифровом пространстве, где все процессы, включая управление, децентрализованы и автоматизированы. В случае появления на рынке полностью цифровых организаций, т.е. совершенно иных акторов на рынке, правовое объяснение структуры таких отношений неизбежно.

Выделенные три этапа лишь условно названы этапами, поскольку все виды применения различных видов ИТ в самом широком смысле происходят сейчас одновременно в силу того, что все субъекты рынка находятся на разных уровнях своего технического развития.

Одновременное существование разных форм ведения бизнеса и управления им влияет и на содержание правового регулирования. Субъекты, находящиеся во всех трех нишах, формируют свой собственный спрос на правила поведения, которые будут помогать им взаимодействовать друг с другом, регуляторами и потребителями.

Можно предположить, что в настоящее время в России готовится правовая база для вступления во второй и третий этапы применения ИТ в бизнесе и социальной жизни.

В период, составляющий менее года, были приняты Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы»; распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»; Постановление Правительства РФ от 15 августа 2017 г. № 969 «О подкомиссии по цифровой экономике»; Постановление Правительства РФ от 28 августа 2017 г. №1030 «О системе управления реализацией программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (вместе с Правилами разработки, мониторинга и контроля

выполнения планов мероприятий по реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации»).

В соответствии с программой «Цифровая экономика Российской Федерации» запланировано принять более 50 законов, обеспечивающих ее реализацию. Первый закону же появился, и он вводит такие новые правовые понятия, как цифровые права и цифровые деньги, путем внесения изменений в Гражданский кодекс РФ. Предлагается под цифровыми правами понимать права на объекты гражданских прав, за исключением нематериальных благ, которые могут быть удостоверены совокупностью электронных данных (цифровым кодом или обозначением), существующие в информационной системе, отвечающей установленным законом признакам децентрализованной информационной системы, при условии, что информационные технологии и технические средства этой информационной системы обеспечивают лицу, имеющему уникальный доступ к этому цифровому коду или обозначению, возможность в любой момент ознакомиться с описанием соответствующего объекта гражданских прав. Указанные цифровой код или обозначение признаются цифровым правом. Под цифровыми деньгами понимается совокупность электронных данных (цифровой код или обозначение), созданная в информационной системе, отвечающей установленным законом признакам децентрализованной информационной системы, и используемая пользователями этой системы для осуществления платежей.

На сегодняшний день идет усиленная работа всех стран по поиску наиболее адекватного правового режима для криптовалют, цифровых платформ и других технологических решений, которые будут использоваться независимо от того, признает их правовая система той или иной страны или нет.

На мой взгляд, цифровую валюту не нужно рассматривать только как средство платежа. В этой связи будет интересно, например, решение окружного суда США по Восточному округу Нью-Йорка, в котором суд подтвердил, что виртуальные валюты являются товаром в рамках юрисдикции по борьбе с

мошенничеством комиссии по торговле товарными фьючерсами (The U.S.CommodityFuturesTradingCommission (CFTC)).

Согласно п. 20 Кодекса корпоративного управления, одобренного Банком России 10 апреля 2014 г., обществу рекомендуется при наличии соответствующих технических условий создавать системы, позволяющие акционерам принимать участие в голосовании с помощью электронных средств. Так, в частности, в целях создания максимально благоприятных условий для участия акционеров в общем собрании обществу рекомендуется предусматривать возможность заполнения бюллетеня для голосования в электронной форме, например, через личный кабинет на сайте общества в сети Интернет, при условии обеспечения достаточной надежности и защиты, а также однозначной идентификации (аутентификации) лиц, принимающих участие в собрании. То есть создание соответствующих условий в хозяйственных обществах является лучшей корпоративной практикой, рекомендованной регулятором.

Действительно ли практика применения новых технологий уже ставит новые задачи и выявляет новые проблемы в корпоративном праве? Рассмотрим, какова эта практика.

В России пока достаточно редкими являются случаи использования электронных сервисов для акционеров в системе корпоративного управления. Максим Гецьман, заместитель генерального директора АО ВТБ Регистратор по основной деятельности, приводит следующие данные относительно системы, созданной этим регистратором. В АО ВТБ Регистратор была создана система «Портал Собраний», включающая в себя личный кабинет акционера (пайщика) и систему «Электронное голосование». Приказом Минкомсвязи России от 15 мая 2017 г. № 234 программное обеспечение «Портал Собраний» было включено в Единый реестр российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных, а также зарегистрировано Федеральной службой по интеллектуальной собственности. При проведении годового собрания в 2017 г. возможностями новой системы голосования воспользовались

54% акционеров, принявших участие в собрании. Система «Электронное голосование» позволяет проводить электронное голосование на заседаниях совета директоров и иных коллегиальных органов.

Внедрение новых технологических возможностей в корпоративную практику является одним из направлений деятельности также для небанковской кредитной организации АО «Национальный расчетный депозитарий» (АО «НРД») и Группы компаний НРК и Р.О.С.Т., в которую входят АО «Независимая регистраторская компания» и АО «Регистратор Р.О.С.Т.», которые предоставляют подобные электронные сервисы для акционеров. АО «НРК» предоставляет сервисы «Акционер 24/7», которые делятся на два типа: требующие участия со стороны эмитента («Личный кабинет акционера») и другие, которыми акционер может воспользоваться самостоятельно (ComDoc и ComQueue).

По данным АО «НРД», за 2017 г. было инициировано 4 067 собраний владельцев ценных бумаг с использованием технологии электронного голосования. Технология e-voting успешно апробирована в рамках проведения ГОСА ПАО «Сбербанк»: возможностью дистанционно знакомиться с материалами к собранию акционеров и голосовать через Интернет на годовом общем собрании акционеров, состоявшемся 26 мая 2017 г., впервые воспользовались 99 акционеров ПАО «Сбербанк». В целом электронной формой голосования с учетом технологии голосования через свой депозитарий (e-proxuvoting) воспользовались 806 акционеров, владеющих в совокупности 33,3% голосов от общего количества голосующих акций, принадлежащих акционерам, принявшим участие в годовом общем собрании акционеров. Акционеры ПАО «Московская Биржа» (физические и юридические лица) впервые воспользовались сервисом для голосования в рамках внеочередного общего собрания акционеров, которое состоялось 14 сентября 2017 г. в форме заочного голосования. В целом 73% голосов лиц, принявших участие в собрании акционеров ПАО «Московская Биржа», было отдано при помощи технологий e-proxuvoting и e-voting.

В конце 2017 г. НРД и АО ВТБ Регистратор предоставили компании АК «АЛРОСА» (ПАО) свои сервисы электронного голосования на собрании акционеров. Сервисами электронного голосования АО ВТБ Регистратор и НРД воспользовались почти 30% от числа принявших участие, а с учетом голосования через номинальных держателей - 92,5% бюллетеней поступили в электронной форме.

В октябре 2017 г. АО «НРД» в рамках пилотного проекта впервые разместило ценные бумаги при помощи блокчейна. Для этого в НРД использовали платформу HyperledgerFabric. Это была первая в России сделка, участники которой - ПАО «МегаФон» и Райффайзенбанк - реализовали проект по полному циклу жизни облигаций на блокчейне.

За рубежом интересными являются инициативы бирж, направленные на предоставление электронных сервисов для акционеров на базе блокчейн (blockchain-based). В частности, с 2017 г. Nasdaq начала реализацию соответствующего проекта в Эстонии и Южной Африке, также в апреле 2017 г. TMX GroupLtd разработала блокчейн-прототип для электронного голосования акционеров.

В декабре 2017 г. американская компания AmericanStockTransfer&TrustCompany, LLC (AST) анонсировала пилотный проект собственного электронного сервиса для акционеров, основанного на блокчейне. Работая в тестовом режиме, проект охватил более 8 млн акционеров, представляющих более 1 трлн акций. В ходе тестирования решение с использованием технологии распределенной книги (DLT) достигло скорости обработки более 100 транзакций в секунду [Чеховская, с. 31].

Пилотные проекты, которые в настоящее время проходят тестирование, позволят начать трансформацию процессов учета корпоративных действий, т.е. для их осуществления потребуются другие правила поведения. Научные правовые исследования в этой связи главным образом нацелены на моделирование возможных правовых ситуаций, формулируя идеи, которые могут быть положены в основу будущего правового регулирования.

Сравнивая практику внедрения ИТ в России и за рубежом в 2017 г., мы видим, что за рубежом процесс тестирования систем распределенных данных идет более активно (особенно если сравнить количество участвовавших акционеров). Пилотные проекты оцениваются с точки зрения выявления главным образом технических проблем. Но отрицать, что вызов для системы корпоративного управления и корпоративного права существует, уже не приходится.

Как уже было сказано выше, до трансформационного этапа применения ИТ, когда появляются качественно иного рода взаимосвязи, требующие иных правил поведения, правовые исследования объясняли, как вписывается электронная форма тех или иных операций в действующую правовую систему. В современный период с каждым годом растет число исследований, посвященных изучению «уберизированного» корпоративного права (*uberizedcorporatelaw*), искусственного интеллекта (*artificialintelligence*) в корпоративном управлении, экосистем, основанных на токенах (*token-basedecosystems*), управления блокчейн финансовых систем (*governanceofblockchainfinancialnetworks*), краудфандинга и др. Поскольку технологии развиваются быстрее, чем право, появляются работы, которые моделируют будущее право, в том числе и корпоративное, оценивая, в какой мере существующие фундаментальные положения корпоративного права и законодательства (статутного регулирования) могут быть использованы для правового обеспечения построения новых корпоративных отношений (если можно будет продолжать использовать и этот термин).

Говорить о новых контурах корпоративного права, на мой взгляд, можно, исследуя вопросы построения децентрализованных автономных организаций (далее - ДАО). По мнению Комиссии по ценным бумагам и биржам США (SEC), ДАО являются «виртуальными» организациями, предложение и продажа цифровых активов такими организациями подпадают под требования федеральных законов о ценных бумагах.

Опыт создания первой ДАО (The DAO) показывает, что ее структура основывалась на совокупности программного кода и смарт-контрактов, которые запускались на публичной децентрализованной блокчейн-платформе Ethereum. Эта система позволяет создавать организации, в которых ее участники поддерживают прямой контроль в реальном времени внесенных средств, правила управления этой системой формализованы и автоматизированы. Целью запущенной в 2016 г. The DAO было создание самоуправляемого венчурного фонда, в котором голосование по предложенным проектам осуществлялось пропорционально внесенному капиталу. Способ построения отношений участников системы похож на участие в корпоративных организациях, этот факт позволяет в научной дискуссии допускать возможность экстраполяции правил, регулирующих в настоящее время корпоративные отношения, на взаимосвязи внутри ДАО.

В этой связи вопрос о правовом статусе ДАО является предметом дискуссий: одни считают, что она является просто автономным кодом и действует независимо от правовых систем, другие - что функции и ее правовой статус будут зависеть от многих факторов, в том числе от того, как используется код ДАО, где он используется и кто его использует. Все инвесторы могли стать участниками ДАО, купив токены ДАО. Но токены, по сути, являлись «долей» участия в системе ДАО. Первая реализованная система ДАО не была организацией с традиционной иерархией: смарт-контракты предоставили держателям токенов ДАО право голоса и на основе блокчейна выполняли функцию устава, если переводить на язык структуры и управления корпорации. Автоматизированная структура была призвана дать держателям токенов прямой контроль в реальном времени над внесенными средствами.

Несмотря на то, что первый опыт ДАО не был удачным [Уязвимость в коде ДАО..., электронный ресурс], юридические вопросы, возникающие в связи с ними, все же обсуждаются. Если говорить о ближайшей перспективе, когда будет реализовываться смешанная модель, предполагающая, что традиционно созданное юридическое лицо может использовать децентрализованную систему

участия и управления, то очевидны вопросы, на которые нужно будет искать решения:

- правовой режим токенов;
- правовой статус владельцев токенов;
- правовое значение и юридическая сила совокупности смарт-контрактов;
- как разрешать конфликты между владельцами токенов.

Вполне обоснованно искать ответы на все эти вопросы, в том числе в основных положениях и принципах современного корпоративного права и корпоративного управления, а также мягкого корпоративного права, действующего на основе главного принципа «применяй или объясняй». Проявление «мягкости» корпоративного права можно понимать, опираясь на разные критерии. В рамках реформирования Гражданского кодекса Российской Федерации стоит задача обеспечения гибкости корпоративного законодательства, и это может свидетельствовать о тенденциях его «мягкости». Современное корпоративное право любой страны, основанной на рыночной экономике различного уровня развития, испытывает на себе влияние законодательных и иных регуляторных реформ. Реформы, в свою очередь, определяются многими факторами, главными из которых, на мой взгляд, являются влияние рынка и глобализация. Частные субъекты рынка стремятся максимально сократить в том числе и регуляторные издержки, используя различные меры. Для этого они воздействуют на законопроектный процесс, создают негосударственные структуры, которые помогают достигать им совместных целей, вырабатывая правила поведения для таких общественных, в том числе экономических, союзов, и др.

Главным достоинством децентрализованных систем является прозрачность операций и принимаемых решений. В этом смысле использование ДАО в системе корпоративного управления поможет легко следовать лучшим корпоративным практикам, рекомендующим обеспечивать прозрачность корпорации. Однако эта система имеет такое следствие децентрализации, как неопределенность, т.е. любой из участников системы может в любой момент,

проводя в ней операции, менять ее, что создает риск неопределенности инвестиций в такую организацию. В этой связи встает вопрос об упорядочении операций на основе мягко правовых подходов.

3.2 ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА

Российское корпоративное право, которое берет начало своего развития с 1990 г. [Корпоративное право, 2014, с. 65], формировалось под сильным влиянием идей англосаксонской правовой системы. И в настоящее время законодатель в процессе преобразования правового регулирования той или иной сферы общественных отношений зачастую обращается к зарубежному опыту регулирования различных институтов зарубежного права и рассматривает возможность их рецепции в отечественное законодательство. Так, были введены такие правовые институты, как множественность единоличного исполнительного органа, корпоративный договор, реформированы правила о статусе юридических лиц, в частности, введено их разделение на публичные и непубличные, а также вопросы обязанностей руководителей юридических лиц и ответственности за их неисполнение. При обсуждении проектов законов все чаще возникают споры: стоит ли заимствовать иностранные конструкции или необходимо развивать традиционные институты [Суханов, с. 10]. Все это свидетельствует об актуальности вопросов целесообразности имплементации зарубежных институтов в отечественный правопорядок.

В доктрине существует различное отношение к вопросу заимствования правовых конструкций англосаксонской или континентальной системы в российский правопорядок. Так, Е.А. Суханов с настороженностью относится к такой практике реформирования законодательства. Он пишет о том, что некритичная имплементация зарубежных институтов в 1990-е годы привела к

формированию непродуманного и несистемного корпоративного законодательства, закреплению весьма неудачного конгломерата разнородных подходов [Суханов, с. 2]. В то время отдельные законодательные решения, которые казались законодателю удачными, «выдергивались» из зарубежных правовых систем и переносились в отечественное право. В настоящее время приходит понимание того, что перенесение комплекса англосаксонских институтов в российскую континентальную систему без учета национальных особенностей было нецелесообразным [Новикова, Наумова, с. 334].

Действительно, наиболее обоснованной применительно к заимствованию зарубежных конструкций представляется умеренная позиция, которая поддерживается большинством исследователей-правоведов. Согласно данной позиции изучение и использование зарубежного опыта правового регулирования могут быть полезными для гражданского оборота и его участников, однако не стоит механически внедрять иностранные конструкции, а необходимо учитывать реальные потребности в них и сложившиеся особенности общественных отношений. Так, И.С. Шиткина, не отрицая важности имплементации иностранной практики в российскую правовую систему, подчеркивает, что «право - явление национальное, базирующееся на истории, культуре, религии и прочих особенностях соответствующего социума», поэтому любая интеграция дает положительный результат, только если учтены указанные особенности [Шиткина, с. 58].

Мы разделяем данную точку зрения и считаем, что полезно внедрять в российское право те иностранные правовые институты, которые получили в других государствах наибольшее развитие. Однако условием такого заимствования должна быть потребность в данных изменениях, а также соответствие их общей системе правового регулирования. Как отмечал Ф. Быдлински, слепое подражание чревато «привнесением в собственный правопорядок напряженности или противоречий, равно как и эффекта внезапности, что представляет собой большую опасность» [Быдлински].

В настоящее время актуальным является обсуждение вопросов ответственности членов органов управления юридического лица, в том числе потому, что наблюдается явная тенденция ужесточения ответственности руководителей компании [Степанов, Михальчук, с. 9]. С одной стороны, с целью пресечения нарушений прав третьих лиц и выполнения публичной функции по защите субъектов предпринимательской деятельности от недобросовестных действий иных участников оборота необходимо установить основания ответственности директоров. С другой стороны, если меры и основания ответственности будут излишне жесткими, появляется риск нарушения частноправового интереса, снижения предпринимательской инициативы руководителей и, как следствие, неэффективности предпринимательской деятельности компании. Все это свидетельствует о необходимости поиска баланса в вопросах ответственности членов органов управления юридического лица [Управление и корпоративный контроль в акционерном обществе, с. 160].

Чтобы найти баланс в рассматриваемой проблеме, необходимо предусмотреть в законе не только нормы, направленные на установление и ужесточение ответственности директоров (что является тенденцией последних реформ), но и нормы, ограничивающие их ответственность и смягчающие порядок привлечения их к такой ответственности. В данный момент законодательство предусматривает сравнительно немного таких положений:

1) презумпция добросовестности директора, согласно которой существенное бремя доказывания правонарушения лежит на истце, однако суд может переложить его на директора, если последний откажется давать пояснения или представит явно неполную информацию [Кузнецов, с. 45];

2) возможность предусмотреть ограничение ответственности директора в непубличных обществах за неразумное поведение.

В то же время во многих зарубежных правовых порядках эффективно применяются и иные способы ограничения ответственности единоличного

исполнительного органа юридического лица. Одним из них является страхование ответственности членов органов управления.

В развитых зарубежных странах, таких, как Великобритания, Канада, Германия, DirectorsandOfficersLiabilityInsurance (D&O) находится на высоком уровне правового регулирования. Однако наиболее прогрессивным государством в данном вопросе являются США, в которых сформировалось наиболее проработанное законодательство и обширная судебная практика по вопросу страхования ответственности директоров компании [Габов, Молотников, с. 25].

Становление системы страхования ответственности директоров в США связано с принятием в 1940-х гг. законов, позволяющих компаниям заключать соглашения о возмещении убытков директорам, что заставило компании искать способы снизить этот риск. В качестве такого способа был предложен полис страхования ответственности директоров. В 1950-х гг. количество полисов стремительно росло, в 1970-х гг. полис приобрели 70 - 80% компаний.

В России фактически отсутствуют законодательные положения, напрямую регулирующие страхование ответственности директоров. В общем виде вопросы страхования урегулированы в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее - ГК РФ) и Федеральном законе от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в РФ». Однако нормы ГК РФ о страховании рассчитаны на страхование деликтной или договорной ответственности и не учитывают специфику ответственности директоров. Так, в соответствии со ст. 931 ГК РФ может быть застрахован только вред, возникающий из причинения вреда третьему лицу. Однако ответственность членов органов управления возникает не из деликта, а из ненадлежащего выполнения своих обязанностей перед компанией. Ответственность за убытки перед третьими лицами несет компания, а не ее руководитель. Следовательно, страхование за деликт не может регулировать порядок страхования ответственности члена органа управления юридическим лицом. Данную позицию разделяют Б. Блэк [Блэк, с. 50], С. Сотников [Сотников, с. 44], Д. Текутьев [Текутьев, с. 51]. Второй вид

страхования в ГК РФ - страхование ответственности за нарушение условий договора - также не может быть использован, потому что страхует только собственную ответственность страхователя и применяется в прямо предусмотренных законом случаях (ст. 932 ГК РФ). Однако страхователем в нашем случае, как правило, выступает не директор, а компания. Кроме того, гражданское законодательство специально не предусматривает такой возможности договорного страхования директоров [Правовое регулирование ответственности членов органов управления, с. 244].

Попытка реформировать ГК РФ, в том числе путем введения положений о страховании ответственности членов органов управления юридическим лицом, была предпринята в 2010 г. в проекте Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части привлечения к ответственности членов органов управления хозяйственных обществ» (далее - законопроект № 394587-5). Предполагалось ввести в законодательство положения следующего содержания: «...общество вправе заключить договор имущественного страхования ответственности членов совета директоров (наблюдательного совета) общества, лица, занимающего должность единоличного исполнительного органа общества (директора, генерального директора), и членов коллегиального исполнительного органа общества (правления, дирекции), по которому может быть застрахован риск ответственности указанных лиц по обязательствам, возникающим вследствие причинения убытков обществу, его акционерам, владельцам иных эмиссионных ценных бумаг общества и (или) иным лицам в результате их неосторожных действий (бездействия)». В пояснительной записке к законопроекту указано, что это позволит достичь максимального уровня защиты интересов третьих лиц (инвесторов), у которых возникли убытки в связи с решением, принятым органами юридического лица, а также защитить самих членов органов управления, которые в процессе осуществления компанией предпринимательской деятельности вынуждены принимать рисковые решения, последствия которых зачастую не могут быть точно определены.

Правоведы отмечают, что законопроект не учитывал многие проблемы, которые могли бы возникнуть на практике и которые рассматривались в доктринальных исследованиях. Поэтому они пришли к выводу, что отечественное право в 2010 г. не могло эффективно воспринять конструкцию страхования ответственности. Перед внедрением данных изменений необходимо было реформировать институт ответственности членов органов управления юридического лица, четко отделить правомерное поведение от неправомерного, ужесточить ответственность директоров, а также разработать институт косвенного иска [Добровольский, с. 19]. В настоящее время указанные реформы проведены, расширяется судебная практика применения ст. 53.1 ГК РФ, введенной в действие в 2014 г. Поэтому мы считаем целесообразным вернуться к идее внедрения института страхования ответственности членов органов юридического лица. Обращаем внимание, что Рабочая группа по совершенствованию корпоративного законодательства Экспертного совета по корпоративному управлению при Минэкономразвития России в октябре 2018 г. включила положение об усовершенствовании института страхования ответственности членов органов управления в одно из направлений своей деятельности [Шиткина, Буткова, с. 47].

На практике в России страховые компании предлагают услуги по страхованию ответственности директоров, однако для них характерно размытое описание рисков и предоставление возможности застраховать ответственность чересчур широкому кругу лиц. Страхование ответственности директоров происходит чаще всего при выходе на IPO, в случае если акции публичного общества обращаются на бирже или в случае присутствия в органах управления иностранных представителей. Поэтому с целью развития рынка страховых услуг и приведения его в соответствие с уровнем иностранных правовых порядков необходимо предусмотреть в законодательстве возможность заключать договоры страхования ответственности членов органов управления.

Рассмотрим подробнее, как институт страхования ответственности директоров компаний функционирует в США.

Корпоративное право США не содержит обязательного требования приобретения полиса ответственности директора, однако фактически все публичные компании застраховали ответственность своих директоров. В большинстве штатов законодательство не содержит обязательных требований относительно минимального размера или условий страхования.

Стоит отметить, что полис D&A не покрывает абсолютно любые риски руководителя, существуют некоторые ограничения. Например, страховая сумма не выплачивается в случае умышленного причинения убытков директором, в результате совершения преступления, а также не подлежит страхованию ответственность по претензиям компании против руководителя (за исключением производных исков, подаваемых акционером в защиту прав компании). В полисе можно установить лимит ответственности (предельную сумму страхового возмещения, свыше которой директор отвечает самостоятельно).

Нам представляется необходимым внести в законодательство положения, которые бы урегулировали возможность заключения не только договоров страхования деликтной или договорной ответственности, но и ответственности членов органов управления юридическим лицом, которая носит специальный характер. Важной является регламентация условия о том, что участники юридического лица осведомлены о сумме и основных условиях страхования членов органов управления и, более того, они одобрили данные условия на общем собрании. Предлагается исключить из страхового покрытия убытки, возникшие вследствие умышленного правонарушения, а также возникшие из действий члена органа управления, в результате которых он получил личную финансовую выгоду.

Введение в российский правопорядок института страхования ответственности директоров позволит решить множество проблем. Например, страхование позволит практически решить проблему реализации норм об ответственности директоров. Масштабы деятельности крупной компании и причиненные ей убытки сложно сравнивать с доходом и сбережениями

директоров, поэтому, как правило, директор не может самостоятельно возместить убытки, вызванные его решением или действиями. В такой ситуации страхование ответственности директора обеспечит возмещение убытков потерпевшему лицу [Гутников, 2014, с. 87].

Более того, указанная выше причина столь различного имущественного положения компании и директора, а значит, и потенциальные имущественные риски могут отпугнуть квалифицированного специалиста от управления той или иной компанией или парализовать управленческую деятельность действующего руководителя, который будет опасаться принимать предпринимательские, следовательно, по определению рисковые, решения. Страхование ответственности директора позволит привлечь к управлению высококвалифицированных специалистов.

Наряду с институтом страхования ответственности в странах с развитым корпоративным правом, таких, как США и Англия, существует альтернативная возможность возмещения директору расходов, связанных с судебным разбирательством (*indemnification*). Данный институт регулирует ситуации, в которых члены органов управления вправе требовать от общества возмещения судебных расходов и иных убытков в связи с предъявленными к ним исками. В России применительно к ответственности директоров данный институт является неразработанным, однако попытка его внедрения была сделана в законопроекте № 394587-5: «...договором с членом совета директоров (наблюдательного совета) общества, лицом, занимающим должность единоличного исполнительного органа общества, и членом коллегиального исполнительного органа может быть предусмотрена обязанность общества возместить указанным лицам судебные и иные расходы, связанные с их привлечением к гражданской ответственности за неосторожные действия (бездействие)».

В США применяется довольно широкий подход к предоставлению компаниям возможности компенсировать членам своих органов управления судебные издержки. Так, издержки могут быть компенсированы как по искам

самого общества к руководителям, так и по искам третьих лиц независимо от исхода дела. Более того, по искам третьих лиц к директорам компании помимо судебных издержек она может возместить и убытки. Однако компенсация издержек и убытков происходит только в случае добросовестного поведения директора и действия в интересах компании.

Законодательство Великобритании также допускает возмещение обществом судебных издержек директору в случаях, если иск подан третьим лицом, а также в случаях, когда суд вынес решение в пользу директора.

На основе описанных подходов мы предлагаем имплементировать институт возмещения расходов, связанных с судебным разбирательством, в российский правопорядок.

Институт indemnification позволяет привлечь более квалифицированных менеджеров в органы управления юридическим лицом, а также способствует развитию предпринимательской инициативы, потому что добросовестные руководители не будут бояться серьезных расходов при рассмотрении судебных споров, связанных с бизнес-решениями, принятыми в рамках обычного предпринимательского риска.

Необходимо на законодательном уровне закрепить возможность компенсации убытков, причиненных нарушением гражданских обязанностей, а также возможность возмещения и авансирования судебных издержек. Мы считаем необходимым предусмотреть в законе следующие условия.

Компенсация компанией убытков директору по итогам судебного разбирательства допустима в случае, если:

- убытки были причинены третьему лицу (в противном случае компания возмещала бы директору то, что было присуждено ей судом);
- член органа управления действовал добросовестно или полагал, что действует добросовестно;
- член органа управления действовал в интересах компании;

- возмещение убытков не связано с привлечением директора к административной или уголовной ответственности (иное противоречило бы целям административного и уголовного права);

- соглашение о компенсации директору убытков должно быть одобрено участниками общества.

Возмещение членам органов управления судебных издержек в связи с рассмотрением предъявленных против них исков возможно при соблюдении следующих условий:

- член органа управления действовал добросовестно или полагал, что действует добросовестно;

- член органа управления действовал в интересах компании.

Допустить возможность возмещения судебных издержек следует (1) как в случае предъявления иска третьим лицом, так и в случае косвенного иска; (2) как при предъявлении к члену органа управления иска в связи с нарушением гражданских обязанностей, так и в связи с уголовным и административным разбирательством (что позволит осуществлять более эффективную защиту); (3) независимо от того, в чью пользу принято решение. Обязательным условием должно являться утверждение такого соглашения на общем собрании общества незаинтересованными участниками, чтобы избежать недобросовестного извлечения выгоды.

Данный институт, помимо указанного выше, позволит директорам, не располагающим достаточными средствами, осуществлять эффективную защиту в суде и не соглашаться на невыгодные для него условия мирового соглашения. Для реализации последнего наряду с возмещением издержек следует предусмотреть институт авансирования издержек.

Наконец, институт возмещения издержек будет способствовать более эффективной реализации судебных актов о привлечении к ответственности директоров. Например, в деле EquitableLife в Великобритании компания в случае вынесения решения против управляющих не смогла бы получить возмещение убытков, так как все их деньги были потрачены на судебные

издержки (в определенный момент они отказались от юридических консультантов и судебного представительства, так как были не в состоянии его оплачивать).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное диссертационное исследование не претендует на полноту охвата проблематики бытия корпоративных норм. Однако, представляется, что осуществленный труд открывает возможности для дальнейших исследований, касающихся данного феномена как сложного, многогранного правового регулятора, его места в системе правового регулирования, открывает возможности дальнейших поисков решений, связанных с совершенствованием взаимодействия общества и государства.

Прежде всего, думается, что роль корпоративных норм определяется наличием корпоративных норм материального и процедурного характера. А это, в свою очередь, подразумевает исследование отдельных институтов корпоративного права.

Развитый и многократной апробированный на практике арсенал корпоративных норм служит не только регулятивным целям, но и средством предупреждения угроз и- рисков для сообщества. Наличие корпоративной практики, долговременной реализации корпоративных норм позволяет предотвратить негативные последствия в связи с деятельностью по отношению к корпорации, сторонних субъектов. Нетрадиционность поведения внешних субъектов на фоне общепринятой практики позволяет акцентировать внимание на более скрупулезной проработке всех вопросов намечаемого контакта. Отсюда открываются перспективы выхода на антропологический ракурс корпоративных норм.

Корпоративные отношения - совместное (объединенное, интегрированное, корпоративное), подчиненное одной или нескольким общим целям действие и/или действия, поведение, волеизъявление заинтересованных лиц (участников корпоративных отношений), объединенных (инкорпорированных) между собой совместными (корпоративными) связями (правоотношениями).

Субъекты (участники) корпоративных отношений - физические и/или юридические лица. Объект корпоративных отношений - совместная деятельность участников. Предмет корпоративных отношений - объединение имущества и/или действий на основе совместных интересов посредством корпоративных связей (правоотношений).

Проведенное исследование показывает, что корпоративные нормы представляет собой неотъемлемый и высоко функциональный элемент современного российского права. Одновременно - это весьма значимый инструментарий повышения общего социально-экономического благосостояния страны, который может выступать как эффективным, так и малоэффективным (при определенных условиях — неэффективным) регулятором общественных отношений.

Учитывая научную доктрину, законодательство и правоприменительную практику, под корпоративными отношениями предлагаем понимать внутренние отношения, возникающие в процессе создания, деятельности, прекращения деятельности корпорации, связанные с участием и (или) управлением ей.

На наш взгляд, в ГК РФ важно обозначить круг участников (субъектов) корпоративных отношений. Это позволит избежать путаницы при определении того, какие отношения являются корпоративными. Полагаем, что в число участников корпоративных отношений необходимо включить корпорацию, ее участников и ее органы. Следовательно, если отношения возникают между указанными лицами при создании, в процессе деятельности и при прекращении деятельности корпорации и связаны с участием и (или) управлением ею, то эти отношения корпоративные. Если отношения возникают при создании корпорации и связаны с участием в ней, но складываются между участниками корпорации и, например, федеральной налоговой службой, то эти отношения будут не корпоративными, а административными.

равенство участников корпоративных отношений и баланс их интересов обеспечиваются реализацией принципов справедливости и добросовестности,

сочетания личных и общественных интересов, экономичности и содействия сторон.

Указанные выше принципы способствуют реализации в корпоративных отношениях принципа эффективности, который представляет собой сочетание способов и правовых средств осуществления прав и обязанностей, для достижения цели при минимальных издержках с максимальной полнотой. Тем самым также обеспечивается приоритет добросовестного осуществления прав самой корпорации над частными интересами ее участников, перед публичными интересами, которые могут быть нарушены в ее внешней деятельности.

Таким образом, принципы корпоративных отношений хотя и не закреплены в законодательстве Российской Федерации напрямую, вместе с тем они используются при толковании определенных норм права, а также в судебной практике.

Санкции корпоративной ответственности имеют свою специфику по сравнению как с другими отраслями права (в публичных отраслях - это публично-правовые штрафы, воздействие на личность нарушителя (лишение свободы)), так и с иными видами ответственности в гражданском праве (договорной и деликтной), в которых неблагоприятные последствия выражаются в причинении имущественного вреда (убытков), а санкции носят, как правило, исключительно имущественный характер. Неизменным, однако, должен оставаться принцип специалитета корпоративной ответственности, и соответствующие меры применительно к конкретным правонарушениям должны быть прямо предусмотрены законом или соответствующим управленческим договором.

Таким образом, заимствование отдельных норм и институтов иностранного права в отечественный правовой порядок является эффективным механизмом реформирования законодательства в случае, если соблюдаются особенности национального права и потребности общества, не искажается система отечественного права. Полный отказ от внедрения зарубежных

конструкций в российскую систему представляется нерациональным, однако стоит избегать механического заимствования.

В настоящее время все большую актуальность приобретают вопросы ответственности членов органов управления юридического лица и поиск в связи с этим баланса между риском привлечения их к ответственности и осуществлением ими предпринимательской инициативы. Происходит осознание необходимости разработки мер, которые могут быть реализованы с целью защитить добросовестных директоров от привлечения к ответственности. В некоторых зарубежных правовых системах такие меры разработаны законодателем и эффективно применяются, в связи с чем нам представляется возможным заимствование указанных конструкций в отечественный правовой порядок. К ним, в первую очередь, относится институт страхования ответственности членов органов управления, который является одним из способов минимизации убытков и для директора, и для компании, а также институт возмещения судебных расходов и убытков члену органа управления в связи с предъявлением к нему требований имущественного характера. Данные институты помогут уравновесить развивающуюся в последнее время тенденцию ужесточения ответственности директоров компаний, позволит привлечь к управлению юридическим лицом компетентных высококвалифицированных директоров, а также будут стимулировать руководителей свободно принимать инновационные управленческие решения. Кроме того, тесная связь корпоративного права и экономики приводит нас к выводу о том, что предложенные изменения корпоративного законодательства и эффективное их применение на практике будут способствовать развитию экономического потенциала страны, постепенной интеграции российской экономики в мировую. Имплементация зарубежных норм, привычных и применяемых в других странах, позволит привлечь в Россию иностранный бизнес, доля которого значительно сократилась в последние годы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 30.12.2012 N 302-ФЗ (ред. от 04.03.2013) "О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7627.
3. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 "О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы" // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.
4. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 N 1632-р «Об утверждении программы "Цифровая экономика Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 2017. № 32. Ст. 5138.
5. Постановление Правительства РФ от 15.08.2017 N 969 "О подкомиссии по цифровой экономике" // Собрание законодательства РФ. 2017. № 34. Ст. 5292.
6. Постановление Правительства РФ от 28.08.2017 N 1030 "О системе управления реализацией программы "Цифровая экономика Российской Федерации" (вместе с "Правилами разработки, мониторинга и контроля выполнения планов мероприятий по реализации программы "Цифровая экономика Российской Федерации") // Собрание законодательства РФ. 2017. № 36. Ст. 5450.
7. Постановление КС РФ от 13 декабря 2016 г. № 28-П по делу о проверке конституционности подп. 1 ст. 1301, подп. 1 ст. 1311 и подп. 1 п. 4 ст. 1515 ГК РФ.
8. Определение КС РФ от 17 января 2017 г. № 1-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы акционерного общества «Управляющая

компания «Арсагера» на нарушение конституционных прав и свобод статьями 32 и 42 Федерального закона «Об акционерных обществах».

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8. Август. 2015.

10. Определение ВС РФ от 5 марта 2019 г. по делу № 305-ЭС18-15540.

11. Jentzsch C. Decentralized Autonomous Organization to automate Governance. URL: <https://download.slock.it/public/DAO/WhitePaper.pdf>. (дата обращения: 20.11.2020)

12. Андреев В.К. Права, обязанности и ответственность участников хозяйственного общества // Гражданское право. 2016. № 1. С. 22-24.

13. Андреев В.К. Создание хозяйственного общества // Предпринимательское право. 2017. № 4.– С. 13-15.

14. Андреев В.К., Лаптев В.А. Корпоративное право современной России: Монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. 352 с.

15. Белов В.А. Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт, 2015. 678 с.

16. Белых В.С. О корпорациях, корпоративных отношениях и корпоративном праве // Бизнес, менеджмент и право. 2006. № 2. С. 58-62.

17. Блэк Б., Фарушкина А. Страхование ответственности членов органов управления, возмещение расходов и авансирование судебных издержек // Акционерное общество: вопросы корпоративного управления. 2010. № 6. С. 50 - 51.

18. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. М.: Статут, 2011. 847 с.

19. Быдлински Ф. Основные положения учения о юридическом методе / Пер. снем. // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 20.11.2020)

20. Вавилин Е.В. Принципы осуществления гражданских прав: функциональные уровни // Новая правовая мысль. –2014. –№ 6. –С. 35-38.

21. Волос А.А. Принципы обязательственного права / Под ред. Е.В. Вавилина. –М.: Статут, 2016. 176 с.
22. Габов А.В., Молотников А.Е. Проблемы правового регулирования страхования ответственности руководителей хозяйственных обществ // Закон. 2012. № 9.– С. 25-28.
23. Гатаулина Л.Ф. Понятие и общие принципы осуществления корпоративных прав // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 4 (105). С. 40-44.
24. Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве // Журнал российского права. 2018. № 3. С. 49 - 51.
25. Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: Монография. М.: Статут, 2019. 488 с.
26. Гутников О.В. Содержание корпоративных отношений // Журн. рос.права. 2013. № 1. С. 30-34.
27. Гутников О.В. Юридическая ответственность в корпоративных отношениях // Вестник гражданского права.– 2014. № 6. С. 87-89.
28. Добровольский В.И. О причинах неразвитости рынка страхования ответственности руководителей компаний в России // Юридический мир. 2009. № 2. С. 19-23.
29. Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву // Иоффе О.С. Избранные труды: В 4 т. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2003. С. 203-214.
30. Карагусов Ф.С. Основы корпоративного права и корпоративное законодательство Республики Казахстан. 2-е изд. Алматы, 2011. 169 с.
31. Корпоративное право / Под ред. И.С. Шиткиной. М.: ВолтерсКлувер, 2014. 322 с.
32. Корпоративное право: Учеб. / Е.Г. Афанасьева, В.Ю. Бакшинская, Е.П. Губин и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2015. 990 с.

33. Корпоративное право: Учебник: В 2 т. / Отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2018. 976 с.
34. Крашенинников Е.А. Понятие гражданско-правовой ответственности // Вестник ВАС РФ. 2012. № 5. С. 11-15.
35. Кузнецов А.А. Комментарий к Постановлению Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Вестник ВАС РФ. 2013. № 10.
36. Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 240 с.
37. Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М.: Статут, 2008. 511 с.
38. Настин П.С. Субъекты корпоративных правоотношений // Рос.юрид. журн. 2016. № 5. С. 176 - 183.
39. Новикова Е.В., Наумова А.В. Верховенство права и проблемы его обеспечения в правоприменительной практике: Международная коллективная монография. 2-е изд., перераб. М.: Проспект, 2010. 334 с.
40. Новоселова Л., Медведева Т. Блокчейн для голосования акционеров // Хозяйство и право. 2017. № 10. С. 17-19.
41. Правовое регулирование ответственности членов органов управления. Анализ мировой практики / Б. Блэк и др. М.: Альпина Паблишерз, 2010. 252 с.
42. Пяткин Д.А., Андрейчук Т.В. Гражданско-правовая характеристика особенностей корпоративных прав // Ленинград.юрид. журн. 2016. № 3. С. 134 - 141.
43. Рожкова М.А. Корпоративные отношения и возникающие из них споры // Вестн. ВАС. 2005. № 9. С. 139-142.
44. Сеницын С.А. Право на дивиденд: возникновение, содержание, осуществление и защита // Вестник гражданского права. 2018. № 4. С. 128-133.

45. Сотников С. Страхование профессиональной ответственности топ-менеджеров: правовые аспекты // Хозяйство и право. 2008. № 12. С. 44-47.
46. Степанов Д.И., Михальчук Ю.С. Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике. М.: Статут, 2018. 189 с.
47. Степанов Д.И., Фогель В.А., Шрамм Х.-И. Корпоративный договор: подходы российского и немецкого права к отдельным вопросам регулирования // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 10.
48. Сулейменов М.К. Гражданское право и корпоративные отношения: проблемы теории и практики // Вестн. граждан.права. 2016. № 3. С. 291 - 292.
49. Суханов Е.А. О достоинствах и недостатках новой редакции главы 4 Гражданского кодекса // Хозяйство и право. 2014.– № 9. С. 4 - 18.
50. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. С. 2 - 4.
51. Текутьев Д.И. Правовой механизм повышения эффективности деятельности членов органов управления корпорации. М.: Статут, 2017. 176 с.
52. Убытки и практика их возмещения: Сб. ст. / Отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2006. 622 с.
53. Управление и корпоративный контроль в акционерном обществе: Практическое пособие / Под ред. Е.П. Губина. М.: Юрист, 1999. 160 с.
54. Уязвимость в коде ДАО позволила хакерам украсть около 50 млн долл. в Ethereum. URL: <https://ttrcoin.com/11-krupneyshih-hakerskih-atak-v-istorii-kriptoalyut.1722/> (дата обращения: 20.11.2020)
55. Чеховская С.А. Новые контуры корпоративного права // Предпринимательское право. 2018. № 3. С. 31 - 41.
56. Чеховская С.А. Современное развитие корпоративного законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 2. С. 74 - 86.

57. Шиткина И.С. Особенности развития современного корпоративного законодательства и тенденции правоприменительной практики // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 9. С. 58-62.

58. Шиткина И.С., Буткова О.В. Риск привлечения к ответственности директора и предпринимательская инициатива: поиск баланса // Закон. 2019. № 1. С. 47-53.